

Андрей Воронин

Комбат
Русский контракт

Комбат

Андрей Воронин

Комбат. Русский контракт

«ХАРВЕСТ»

2007

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Комбат. Русский контракт / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2007 — (Комбат)

ISBN 978-985-14-1534-8

Бывший десантник Борис Рублев случайно узнает о новом виде контрафактной продукции и становится главным препятствием на пути у акул теневого производства.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-14-1534-8

© Воронин А. Н., 2007
© ХАРВЕСТ, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Воронин
Комбат. Русский контракт

© Современный литератор, 2007

Глава 1

– Здравствуйте! – зайдя в гримерку, сказал парень лет двадцати трех и бережно поставил в угол комнаты зачехленную электрогитару.

– Здоров, коли не шутишь! – иронично ответил молодой человек лет на пять – семь старше, пытаясь за сарказмом скрыть охватившее его удивление.

Он был певцом, можно сказать, звездой эстрады, одним из ведущих представителей попсы и, кажется, знал большинство коллег по творческому цеху. Однако лицо парня показалось ему лишь смутно знакомым. Ладно бы он пришел с пустыми руками, тогда бы его можно было принять за охранника или кого-то из обслуживающего персонала. Но нет, приволок с собой гитару, значит, тоже музыкант.

«Маэстро из подворотни, – мысленно окрестил его апологет попсы. – Откуда же он здесь взялся? Мероприятие слишком крутое для всякой шушеры. Ага, наверняка он родственник кого-то из виновников торжества. С ним надо быть поосторожнее».

Парень тем временем посмотрелся в зеркало и, кажется, остался доволен увиденным. Во всяком случае, он только быстро причесал волосы и достал гитару. Присутствие рядом кумира несовершеннолетних подростков его абсолютно не волновало. Парень спокойно перебирал струны, разминая пальцы перед выступлением.

«Точно, родственник, причем кого-то из боссов. Наверняка повидал за свою жизнь реальных западных звезд, поэтому на меня не реагирует», – подумал попсовик и не нашел ничего умнее, чем задать вопрос, ответ на который был очевиден:

– Тоже выступить?

– Да, – последовал лаконичный ответ.

– А ты давно на эстраде?

– Я с шести лет играю на гитаре, – уклончиво сказал парень.

– И есть записанные диски? – продолжал любопытствовать попсовик.

– Сольных нет. Я участвую в записях как приглашенный музыкант.

«Ну да, аккомпанируешь влиятельному родственничку, если тому взбредет в голову запечатлеть свой дурной голос для потомства. Небось он платит сумасшедшие бабки какой-нибудь полупрофессиональной студии за тираж в сотню-другую компакт», – мысленно констатировал попсовик, а вслух вежливо поинтересовался:

– Где ты записываешься?

– По-разному. К примеру, в последний раз на «Эбби роуд».

– Где-где? – переспросил ошеломленный попсовик.

– На «Эбби роуд», – спокойно повторил гитарист.

У ошеломленного попсовика временно пропал дар речи. Даже он при всей своей звездности и деньгах мог только мечтать о записи на легендарной студии. А здесь какой-то гитарист-любитель. Сколько же бабок они отстегнули за такую фантастическую возможность! Хотя нет, «Эбби роуд» слишком дорожит своей репутацией, хозяева студии на пушечный выстрел не подпустят дилетантов, благодаря тугому бумажнику вообразивших себя хозяевами этого мира, которым позволено делать все, что заблагорассудится. Выходит, гитарист не прост, совсем не прост.

– А каким ветром тебя занесло на «Эбби роуд»? – вновь обрел дар речи попсовик.

– Если помнишь, в Москве гастролировали «Black Stream». У них заболел соло-гитарист, и меня порекомендовали в качестве замены. Моя игра понравилась лидеру группы, и он пригласил меня на запись альбома.

Теперь поповик сообразил, отчего лицо гитариста показалось ему смутно знакомым. Он, как и вся столичная богема, ходил на концерт «Black Stream», но, разумеется, не мог связать гитариста с одним из участников культовой рок-группы.

– А у тебя не было возможности зацепиться всерьез, остаться в Англии?

– Шутишь! «Black Stream» – слишком раскрученная команда, и замену одного из ее исполнителей на нового человека, тем более русского, фанаты вряд ли бы одобрили.

Пока шел разговор, в просторном зале набирало обороты торжество. Известная нефтедобывающая компания праздновала свое десятилетие. Десять лет прошло с того дня, как основатель компании и его приятель за чисто символические деньги получили в безраздельное пользование вчерашнее государственное предприятие, занимавшееся добычей и первичной переработкой нефти. Разумеется, в истории компании не было никаких захватывающих страниц за исключением одной крупной разборки с бандитами. Она никогда не оказывалась на грани разорения, никогда не выходила с честью из критической ситуации благодаря уму и деловитости ее хозяев. Все эти годы компания тупо качала нефть и с помощью общеизвестных схем уходила от налогов. На этом, и только на этом было построено ее нынешнее процветание.

Основной владелец компании давно входил в пресловутый список журнала «Форбс». Он мог легко отжалеть на торжество сумму с семью или восемью нулями в твердой валюте и вывезти самых ценных работников в какой-нибудь курортный тропический рай. Но увы, нефтеносный рог изобилия нельзя оставлять без присмотра даже на неделю. Мало ли. Поэтому дело ограничилось премией и обычной пьянкой. В смысле – корпоративной вечеринкой, у которой, по большому счету, не так много отличий от банальной русской пьянки. Ну, декорации побогаче, выпивка с закуской дороже, и вживую поют те, чьи голоса в обычной компании раздаются из музыкальных центров. А так... Те же физиономии, те же повадки, наглядно свидетельствующие о происхождении человека от животных, и спиртное на столе обязательно заканчивается. Только за добавкой не приходится бежать в магазин, его приносит обслуга.

В тот момент, когда у поповика от удивления пропал голос, участники торжества, напротив, завопили во все глотки:

– Ура!!!

Так они отреагировали на пространный тост совладельца и второго человека в компании, хотя тот сказал банальные вещи насчет их нынешнего благополучия и будущего процветания. Эти слова уже много раз звучали в зале. Новизна появилась, только когда совладелец опрокинул рюмку и требовательно заметил:

– Пора выпускать артистов.

– Артистов! Артистов! – дружно поддержали собравшиеся.

И тут же, словно от толчка невидимой руки, на сцене материализовался очень известный девчоночий коллектив. Казалось, все было при трех красотках: длинные, стройные ножки, упругие груди, очаровательные свежие мордашки. Но при таком отменном экстерьере девушки здорово нервничали. И было отчего. Зал специально подбирался так, чтобы в нем была хорошая акустика. Соответственно и к исполнителям выдвигалось конкретное требование – никакой «фанеры», петь живьем. А бедняжки всегда и везде использовали фонограмму. Живьем они пели только в студии, где с помощью бэк-вокалистов кое-как добивались пристойного звучания. А в этот раз вышла накладка. Их сначала пригласили и, только когда они дали согласие, им сообщили о главном условии выступления. Идти на попятную было поздно. Концерт сверстан, исполнители утверждены хозяином корпорации, и внезапный отказ мог вызвать его возмущение. А возмущение такого человека для отечественных звезд любого уровня чревато серьезными последствиями.

Поэтому девочки волновались. Их выступление обошлось без плясок и эротических этюдов. Певицы берегли дыхание, однако не забывали при этом выставлять вперед ножки или кокетливо касаться рукой груди. Фокус удался. Руководство корпорации состояло в основном

из мужчин, которые не столько слушали, сколько оценивающе разглядывали, прикидывая, кто же эротичнее и соблазнительнее: их нынешние любовницы или эти певички.

Почувствовав реакцию зала, девушки осмелели и под конец выступления изобразили некое подобие лесбийской любви, пользующееся успехом у большей части публики. При этом они не попадали в ноты. А если использовать снайперскую терминологию, они регулярно палили «в молоко». Однако разглядывающая и сравнивающая публика отнеслась к фальши снисходительно. Девочек проводили бурными аплодисментами и лишь парочкой брезгливых гримас.

Певичек сменил известный юморист, затем вышла еще одна молодежная группа, и только после этого настал черед гитариста. К этому времени публика успела дойти до нужной кондиции, и появление человека, исполнявшего гитарные пассажи, вызвало, мягко говоря, недоумение, хотя гитарист особо не умничал, играл партии из лучших песен самых знаменитых рок-музыкантов. Только один человек в зале получал от выступления подлинное наслаждение – совладелец компании. Именно по его настоянию пригласили гитариста. Видя настроенные сослуживцев, он начал аплодировать после каждого музыкального фрагмента. Тем волея-неволей пришлось последовать примеру своего шефа. И только хозяин корпорации, мужчина лет сорока пяти и соответствующих музыкальных пристрастий, отреагировал по-своему.

«Эх, сейчас бы врубить на качественной аппаратуре оригинальные записи «Slade» или «Eagles». Жаль, не поймут. Тут же пойдут слухи. Мол, компания провела свой юбилей без приглашенных звезд. Значит, у ее хозяев возникли проблемы с руководством страны и ей грозит разорение», – грустно подумал он.

Но все же, когда гитарист закончил выступление, хозяин компании присоединился к общим аплодисментам.

Попсовик, как и полагается звезде, завершал концерт. Публика к этому времени нагрудилась спиртным под завязку, и его незамысловатые, но ласкающие слух песенки пришлись очень кстати. Часть собравшихся пустилась в пляс, несмотря на явный дефицит женского пола. Нашелся только один недовольный, который иногда восклицал:

– «Владимирский централ» давай!.. Блин, ну спой «Владимирский централ», че тебе стоит!

Попсовик стойко игнорировал это неуместное требование. Кроме того, ему пришлось выдержать атаку дамочки постбальзаковского возраста, пожелавшей сфотографироваться и расцеловаться со своим любимчиком.

«А в целом халтура прошла нормально, – подумал он, закончив выступление. – Даже не вспотел, а заработал приличные бабки. Очень кстати, учитывая, что на выпуске альбомов в нашей стране не больно разбогатеешь».

* * *

Алекс Бушмен пыхнул дорогой кубинской сигарой и хлебнул из стакана содовой воды. Просто воды, без всякого виски. Алекс был высоким худощавым мужчиной с блестящей лысиной, обрамленной редкими волосами. Да, годы брали свое, и Бушмен уверенно шел к шестидесятилетию. Оглядываясь назад, он мог сказать, что в целом жизнь удалась. Ведь начинал Алекс с нуля, без родительской поддержки. Отцу он был благодарен лишь за одно – тот оставил семью, когда мальчику исполнилось всего девять лет, и Алекс раньше большинства сверстников стал мужчиной. Не в том смысле, что раньше других переспал с женщиной, а в том, что самостоятельно добивался того, что ребятам, жившим в полных семьях, доставалось без всяких усилий.

Огромную роль в его становлении, конечно же, сыграла мать. Она оказалась талантливым наставником, сумела внушить сыну, что за сиюминутные радости придется заплатить слишком

дорогую цену. Да, молодости присуще стремление к удовольствиям, порой весьма сомнительным, которые отбирают не только время, но и здоровье. Не лучше ли направить свою энергию на достижение определенного положения в обществе, после чего спокойно предаваться наслаждениям.

Ох, мудрой женщиной была мать Алекса, понимая, что у мужчин карьерные устремления становятся главным смыслом жизни. Бушмен успешно сдал экзамены в университет, где его, как представителя малообеспеченных слоев общества, освободили от оплаты. Правда, существовало одно условие. Если бы Алекс учился посредственно, ему бы пришлось платить или уходить из учебного заведения. Но Бушмен учился хорошо и закончил вуз дипломированным специалистом. Он устроился в солидную компанию, где получал очень приличные для начинающего работника деньги. Тратить их он не умел, к тому же у Алекса зародилась идея-фикс.

В западном мире легкая музыка с каждым годом завоевывала все больше поклонников, пластинки выпускались гигантскими, как тогда казалось, тиражами. Бушмен решил присоединиться к выгодному бизнесу. Судьба благоволила ему. Сначала Алекс подумывал о студии звукозаписи, но случайно познакомился с человеком, понимающим в выпуске пластинок и собиравшимся начать их производство. Они сложили капиталы и построили небольшой заводик. Но их опередили. Таких умных, как Бушмен и его компаньон, оказалось предостаточно, и рынок грампластинок был давно поделен. Спасал только постоянно растущий спрос, благодаря которому их бизнес приносил скромную прибыль. Ни о каком глобальном расширении производства, что являлось голубой мечтой Алекса, и думать не приходилось.

Так продолжалось до начала восьмидесятых. Тогда фирма «Сони» сделала первый компакт-диск. Алекс сразу понял, что это технологический прорыв, на котором можно круто подняться. Он уболтал своего компаньона, и они вложили все свободные деньги в покупку нового оборудования.

Завод строился с иллюзорным расчетом на возрастающее производство, и часть площадей до сих пор пустовала, поэтому с установкой современной техники проблем не возникло. Около двух лет ушло на то, чтобы музыкальный мир по достоинству оценил преимущества новых звуконосителей. Алекс времени даром не терял, поскольку конкуренты, пусть и с небольшим запозданием, тоже начали заниматься «компактами». Но Бушмен за это время успел договориться с несколькими крупными студиями звукозаписи, и вскоре их фирма была под завязку загружена заказами. Пришлось убирать часть станков, штампующих «винил», и заменять их новым оборудованием.

Когда на компакт-арену вышли монстры – производители пластинок, Алекс и его компаньон успели занять свою нишу и чувствовали себя превосходно. Тем более рост благосостояния западного общества играл на руку таким, как Бушмен. Всего десять лет назад лишь самые прославленные музыканты могли похвастаться миллионными тиражами своих альбомов. А сейчас стоило какой-то команде выдать один-единственный шлягер, добравшийся до первого места в хит-парадах, и миллионный тираж был ей практически гарантирован.

Тут в жизни Алекса случился забавный эпизод. В их с матерью дом явился отец. Бушмен брезгливо посмотрел на плохо одетого, истрепанного жизнью мужичка. Он уже знал, что в последние годы дела отца шли из рук вон плохо, он никак не мог устроиться на работу и жил на пособие. Теперь, судя по всему, блудный папаша решил вернуться в лоно семьи, живущей без материальных проблем. Интересно, на что он рассчитывал? Что бывшая жена вспомнит свою девичью любовь или у сына проснутся родственные чувства? Его иллюзии были развеяны за одну минуту.

– Вернулся, – мрачно констатировал Алекс. – А где ты шлялся все эти годы?

– Да я... собственно... понимаешь, сынок, – растерянно забормотал отец.

– Я тебе не сынок. Ты меня растил, ты меня воспитывал, ты, в конце концов, зарабатывал для семьи деньги, чтобы называть меня сыном? А зачать ребенка – тут особого ума не надо.

Все, разговор окончен, – Бушмен бросил выразительный взгляд на дверь. – Ты сам уйдешь или тебе помочь?

Компания процветала, и тут случилась беда. Умер компаньон Алекса. Смерть его была нелепой и обидной. Нет, ну в самом деле обидно, когда человек едет отдыхать на тропические острова и помимо чудных воспоминаний привозит загадочную болезнь, от которой сторает в течение двух месяцев. Хваленые американские врачи не смогли ничего поделать, они даже толком не определили, какая именно зараза свела на тот свет компаньона Бушмена.

У покойного остались жена и дочь, не смыслившие и не желавшие ничего смыслить в производстве компакт-дисков. Правда, дочь собиралась замуж (в третий или в четвертый раз, сказать точнее Алекс не мог, сбился со счета), и ее будущий супруг чисто теоретически мог претендовать на участие в бизнесе, однако из-за траура свадьбу отложили, и Бушмен воспользовался моментом, уговорил родственников покойного продать ему долю своего компаньона. Обошлось это в копеечку, Алекс лишился всех свободных средств и еще два миллиона обязался выплатить в рассрочку. Зато он стал полновластным хозяином завода. Первым делом Бушмен окончательно избавился от штамповки «винила», против чего категорически возражал его покойный компаньон. Он утверждал, что еще десяток лет будут оставаться любители традиционных пластинок и надо учитывать их интересы. У Алекса на этот счет имелось собственное мнение. Почему он должен учитывать чьи-то интересы, если это совсем не в его интересах?

С крахом коммунистического режима бывшие социалистические страны получили неограниченный доступ к западной культуре. И началось. Такой вакханалии беззакония не ожидали даже самые мрачные пессимисты. Девятый вал пиратской продукции захлестнул не только Восточную Европу и Азию, эта зараза проникла даже в страны «золотого миллиарда». Многие люди, связанные с производством компакт-дисков, понесли ощутимые убытки. Многие, но не Бушмен. Загадочным образом деятельность пиратов совсем не повредила бизнесу Алекса. Наоборот, его дела становились лучше день ото дня. Бушмен модернизировал завод, сменил все оборудование и управляющего. Последнее решение выглядело довольно странным. Прежний управляющий, хотя и приближался к пенсионному возрасту, сохранил энергию и отлично разбирался в технологических тонкостях процесса. Пришедший ему на смену человек был на двадцать лет моложе, но хуже знал производство и к тому же имел темное прошлое. Он три года отсидел в тюрьме. Однако Бушмена такие нюансы в биографии его новой правой руки ни капельки не смущали.

– Все мы не без греха. Просто кого-то застукали на месте преступления, а кого-то нет. Неужели из-за судимости я должен отказывать человеку с уникальными способностями, – говорил Алекс о своем новом управляющем.

Жизнь убедительно доказала, что Бушмен прав. Именно после смены руководства начался стремительный рост его капиталов. Впрочем, Алекс этого особо не афишировал. Жил в том же особняке, не покупал себе яхт или вилл на побережье, только сменил машину. Ну так время пришло. Семь лет отъездил он на «корвете» и теперь приобрел «остин мартин». Пусть видят те, кто еще помнит нищее семейство Бушменов, как высоко поднялся сын своей мудрой матери.

Глава 2

Олег Иванович Надеждин сидел за столом, уставленным холостяцкой закуской, то есть продуктами, требующими минимального приготовления или не требующими такового вовсе. В центре стола красовалась бутылка недорогого виски «The king of scots». Почему-то именно это виски нравилось ему больше других, престижных сортов. Напротив Олега Ивановича сидел человек, которого Надеждин звал Антошей, хотя годков этому Антоше было пятьдесят с хвостиком.

Познакомились они три года назад на отдыхе. Казалось бы, невозможная вещь. Как могли познакомиться на отдыхе бизнесмен и ученый-историк, если по определению они должны отдыхать в разных местах? Но даже такому подозрительному факту имелось простое и логичное объяснение. Олегу Ивановичу осточертели разрекламированные заграничные курорты. То есть сами по себе курорты были хороши, однако найти интересную компанию оказалось там делом практически невозможным. Надеждин учился в обычном советском вузе, а следовательно, знал английский язык в пределах двухсот слов и трех правил грамматики. Поэтому иностранцы в качестве друзей по отдыху сразу отпадали. А с русскими, приезжавшими на Кипр или те же Канары, Надеждину знакомиться совсем не хотелось. Больше всего они напоминали героев известных боевиков вроде «Бригады». Поэтому Олег Иванович решил отдохнуть в Крыму. Там они и пересеклись с Антоном. Знакомство произошло на пляже, так как Надеждин остановился в самом дорогом отеле, а Антон – в обычном пансионате. Все началось со случайного разговора, который перерос в настоящую мужскую дружбу.

По возвращении домой каждый из них занялся своими делами, но они находили время для встречи примерно раз в месяц. Собирались всегда у Надеждина, поскольку Антон был женат и, кроме супругов, в квартире жили двое взрослых, но пока холостых сыновей.

Друзья разговаривали обо всем, что приходило им в голову, но одну тему Надеждин затрагивал неизменно.

– Ну скажи, Антоша! Вот ты защитил докторскую диссертацию, в последние годы государство начало платить вам относительно неплохие деньги. А какая польза от твоей науки? Только что блокбастеры снимать на исторические темы.

– Знаешь, живет в Америке одна ящерица, называется ядозуб...

– Ого, ядозуб. Это что-то новенькое. Только я не пойму, какое отношение имеет ящерица к исторической науке?

– А ты потерпи минутку. Так вот, ядозуб – единственная в мире ядовитая ящерица. И недавно в составе ее яда ученые обнаружили вещество, улучшающее память. Чтобы какой-нибудь барсук или койот, решивший сожрать ядозуба, надолго запомнил, что с ним лучше не связываться. У исторической науки аналогичная функция. Мы должны предостерегать людей от тех ошибок, которые успело совершить человечество. Образно говоря, уберечь от того, чтобы снова и снова не наступать на одни и те же грабли.

– У вас это слабо получается.

– Согласен. Только в этом не наша вина. Я когда-нибудь принесу тебе удивительную статью одного французского ученого, написанную им в начале тридцатых годов двадцатого века. Там он анализирует историю Германии и абсолютно точно предсказывает, что Гитлер обязательно развяжет новую глобальную войну. И армии его постараются захватить всю Европу, а не ограничатся восточным направлением, как мечталось некоторым политикам. Теперь угадай: прислушался ли хотя бы один из лидеров западных государств к мнению французского ученого?

– Зачем гадать, если все давным-давно известно. Получается, что вы производите отменный продукт, однако не можете толком довести его до потребителя.

Антон от неожиданности поперхнулся мультивитаминным соком:

– Я впервые сталкиваюсь с такой формулировкой исторической науки. Впрочем, от тебя этого следовало ожидать. Ведь у тебя именно такая главная задача – довести продукт до покупателя.

– Как у любого торговца. Только мой продукт по большей части скоро... скоро...

– ...портящийся, – подсказал историк.

– Можно сказать и так, хотя точнее будет – скороуходящий. Особенно это касается западных исполнителей. Там певцов и певичек развелось немерено. Поди угадай, надолго взлетел певец или завтра же о нем все забудут. Конечно, имеется так называемый золотой фонд, но и здесь постоянны колебания спроса на разных исполнителей. Разумеется, многое легко предугадать. Например, если приезжает с гастролями «Deep Purple», жди увеличения спроса на их диски. Но частенько до причины роста продаж вряд ли докопается сам Шерлок Холмс. Месяца четыре назад мы за неделю продали втрое больше дисков «Uriah Heep», чем обычно. И только случайно узнали, в чем причина. Оказывается, по телевизору буквально с интервалом в пару дней показывали интервью с двумя нашими самыми раскрученными певцами. И так совпало, что в обоих случаях на заднем фоне звучала песня «Июльское утро». Ее знает большинство людей среднего поколения. Поэтому, когда подростки спрашивали у родителей, что это за композиция, они получали точный ответ. И многие из них решили купить диск группы, которую слушали их кумиры. Вот как все лихо закручено.

– Да, в нашей жизни именно самые простые вещи частенько бывают окутаны покрывалом таинственности. В истории этому достаточно примеров.

– Ладно, давай выпьем, потом расскажешь.

Надеждин щедро разлил виски по рюмкам.

– Не понимаю я всяких буржуазных извращений. Например, виски со льдом. Я пробовал, никакого удовольствия. Либо кусок льда по губам шлепает, либо выходит натуральное разбавленное пойло.

– А ты пробовал на трезвую голову или уже предварительно выпив?

– Пропустив грамм двести.

– Или триста. Проведи свой эксперимент в нормальном состоянии.

– Думаешь, получится?

– Не знаю. У нас в институте принято пить обычную водку. У нее перед виски есть одно серьезное преимущество. Она намного дешевле.

– Можно подумать, ты большой любитель спиртного. Выпиваешь один-два раза в месяц. Мог бы и не экономить.

– Привычка. Еще года три-четыре назад мне платили сто пятьдесят долларов в месяц. Представляешь реакцию моей жены, если бы пятую часть своей зарплаты я выбросил на выпивку.

– Ну, твоя супруга – женщина интеллигентная, воспитанная.

– Да, разборки со скалкой, как в некоторых семьях, мне не грозили, но она бы еще долго изводила меня намеками на беспричинное мотовство. Тебе проще – некому пилить, да и финансы позволяют баловаться импортным самогоном, – тут слегка захмелевший историк хлопнул Надеждина по плечу. – Нет, Олег, ты, как ни крути, молодец. Ведь у тебя всего один магазинчик компакт-дисков, правильно?

Бизнесмен подтвердил слова друга кивком головы.

– И ты благодаря этой малости умудряешься не только держаться на плаву, но и зарабатывать хорошие деньги. Вот купил квартиру, обставил ее. Ей-богу, у тебя врожденный талант бизнесмена. Только этим можно объяснить твои успехи.

Знал бы наивный историк, что магазинчик с компактными был лишь легальным прикрытием настоящего бизнеса Олега Ивановича – поставленной на поток штамповки пиратских дисков!

* * *

– Здравствуй, Комбат! – услышал Борис Рублев в трубке голос своего давнего приятеля Андрея Подберезского.

– Здравствуй, Андрюха! Как дела?

– До вчерашнего дня все было нормально.

– А что случилось вчера?

– Мне один придурок крокодила подарил. Черный кайман называется. Между прочим, эта сволочь вырастает до четырех с половиной метров и жрет людей.

– Крокодила – это нормально. Я читал, что у наших бизнесменов пошла такая мода – крокодилов друг другу дарить. А ты ведь бизнесмен. Кстати, он большой?

– Крокодил?

– Ну не даритель же, конечно!

– Пока маленький, сантиметров тридцать. Но шустрый, сволочь, и очень кусачий. Я его в таз посадил, так он из него выбрался и начал шастать по всей квартире. Два раза меня цапнул, гадина, пока я его отловил и посадил в ванну. Ну что мне теперь делать, купаться вместе с ним? А если он меня не за руку цапнет, а за кое-что более существенное. Или станет в ванну гадить?

– Обязательно станет, – подтвердил Борис. – Будь у тебя маленькие дети, я бы тебе посоветовал снять с него шкуру и сшить ботиночки. Увы, на твою лапу мало даже десяти таких крокодильчиков.

– Жалко мне его убивать. Живое существо, как ни крути. И ванны жалко. Она же для людей, а не для крокодилов предназначена! Иногда, знаешь, помыться хочется.

– Знаю-знаю. А ты вот что сделай. Посади его в сливной бачок и узнай телефон зоопарка, поинтересуйся, нужны ли им детеныши этих... как их...

– Черных кайманов.

– Вот именно.

– Молодец, Иваныч, гениальная идея. Я имею в виду сливной бачок. А насчет зоопарка я уже думал. Между прочим, если он там не нужен, сплавлю его в какой-нибудь ресторан. Там сейчас любят держать всяких пресмыкающихся тварей. Но как его из ванны в бачок пересадить? Он же теперь, как меня увидит, сразу зубами щелкает.

– Сходи купи резиновые перчатки. Или наберись терпения. Посидит твой крокодил денек в нашей хлорированной водичке, и всякое желание кусаться пропадет само собой.

– Спасибо, Иваныч! Да, а у тебя самого как дела?

– Нормально. Крокодилов мне никто не дарит, поэтому все хорошо за исключением одной вещи. Нарушили мой стариковский покой, каждый месяц зовут на разные официальные мероприятия. Вот и сейчас надо идти на встречу с новобранцами. Поэтому извини, Андрюха, но мне пора собираться.

Комбат повесил трубку и достал из шкафа майорскую форму. Раньше об отставном командире десантно-штурмового батальона Борисе Рублеве никто не вспоминал, а если поминали, то недобрый словом, как человека, отказавшегося воевать в Чечне, стрелять по своим недавним боевым друзьям. Сейчас положение круто изменилась. Другой стала политика в отношении большинства чеченцев, и в армию пришли деньги. Рублева начали регулярно приглашать на различные мероприятия, и он в шутку стал называть себя свадебным генералом. А строителям импонировал солидный мужчина, сохранивший военную выправку и отличную

физическую подготовку. Чаще всего его приглашали на встречи с новобранцами в качестве эталона бывшего офицера элитных частей, не понаслышке знающего о том, что такое война.

Вот и сейчас в зал пришло сотни две мальчишек, которым в ближайшее время предстояло отправляться на срочную службу. Некоторые из них горели желанием попасть в части особого назначения. Единицы – из романтических соображений, а большинство, увы, желая превратиться в суперменов, которым в гражданской жизни позволено куда больше, чем простому человеку.

Комбат предпочитал обходиться без патетических фраз и громких призывов защищать свою Родину. Он говорил о том, что каждый человек сам выбирает свой путь. И армия – вовсе не преграда на этом пути, она помогает юноше определить, что же он представляет собой на самом деле, есть ли у него характер, сила духа. Умный после службы сделает правильные выводы и двинется в правильном направлении, а дурак... Что ж, дурака не жалко.

Разумеется, современную молодежь, воспитанную на боевиках и триллерах, куда больше интересовало военное прошлое Комбата, они жаждали рассказов о кровавых боях в Афганистане. Но тут их ждало разочарование. В афганской бытности Рублева хватало страниц, перед которыми меркли самые кошмарные «ужастики», но Борис предпочитал лишь вскользь упоминать о них. Зачем беречь душу и вредить неокрепшей психике подростков. Это сейчас они хотят «чернухи», но, если им в деталях рассказать, как «душманы» пытали русских пленных, это желание пропадет надолго.

По части красочного описания перестрелок, рукопашных схваток и жестоких убийств Рублев не оправдывал надежд молодежи. Отдельные призывники даже выражали сомнение, что он воевал и вообще служил в спецвойсках. Вот тут они получали маленькую демонстрацию способностей бывшего командира десантно-штурмового батальона.

– Значит, сомневаетесь? – переспрашивал Комбат, одновременно выскивая в зале какого-нибудь невысокого парнишку.

Раньше бы он без колебаний вытащил на сцену первого попавшегося человека, но годы брали свое.

– Я вижу у тебя барсетку, – говорил он, когда смущенный юнец оказывался рядом с ним. – Очень хорошо. Ценные бьющиеся вещи в ней есть?.. Мобильный телефон? Выложи его на стол. Теперь возьми барсетку в руку и вытяни ее над головой.

Парень без энтузиазма выполнял требуемое. Хотя он не отличался гренадерским ростом, барсетка оказывалась на двухметровой высоте.

– Сейчас замри и ничего не бойся, – говорил Комбат, примериваясь.

После этого следовал резкий прыжок, молниеносный взмах ногой – и вырванная из руки барсетка с хлопком ударялась о стену. По залу прокатывался вздох удивления. Конечно, все призывники насмотрелись по телевизору фильмов о восточных единоборствах. Но чтобы такое вытворял человек по их меркам преклонного возраста! И безо всякого монтажа и прочих кинотрюков, а вживую! Рублева буквально засыпали вопросами.

– Скажите, а так, как вы показали, любой сможет?.. Долго этому надо учиться?.. В какую часть лучше всего попасть?.. А ломать кирпичи ребром ладони вы можете?

– Зачем же кирпичи ломать? – добродушно посмеивался Комбат. – Это ведь ценный строительный материал. Им можно найти гораздо лучшее применение. И своим рукам, кстати, тоже... Овладеть приемами рукопашного боя способен каждый, только одному для этого требуется год, а второму – несколько лет. Все зависит от способностей, но в первую очередь от трудолюбия и умения терпеть.

Встреча прошла весьма плодотворно. Комбат радовался, что накопленный опыт можно передать молодым ребятам.

Глава 3

Олег Надеждин рос обычным пареньком. Учился он средне, поскольку предпочитал большую часть времени проводить на улице в компании сверстников. После настойчивых просьб отец купил Олегу самую дешевую гитару стоимостью девять рублей пятьдесят копеек. Не имея музыкального образования, мальчик быстро освоил инструмент и стал первым гитаристом во дворе. Кроме того, Олег занимался плаванием и к окончанию школы имел звание кандидата в мастера спорта. Этот факт сыграл в его дальнейшей жизни важную роль, поскольку он решил поступать в инженерно-технический институт. А там срочно требовались хорошие пловцы.

У Надеждина были способности к точным наукам, преподаватели лишь слегка кривили душой, ставя абитуриенту по математике и физике вместо твердой четверки пятерку с минусом. Разумеется, минус в ведомость никто не заносил. Совсем иначе обстояли дела с сочинением. У Олега были хорошие память и фантазия, но всегда имелись проблемы с грамматикой.

В первый день сентября новоиспеченных студентов отправили на картошку. По большому счету это было не так уж плохо. Да, будущие инженеры, учителя и ученые теряли месяц, выпадавший из учебного процесса. Зато в коллективе, сплоченном общей бедой, они быстрее перезнакомились и подружились. Как выяснилось, на курсе оказалось еще двое ребят, играющих на гитаре. Один из них даже имел музыкальное образование, правда по классу фортепиано. Но и он заметно уступал Олегу в умении исполнять самые модные на тот момент песни. Надеждин стал признанным лидером среди гитаристов; его чаще всего просили спеть, когда студенты после рабочего дня собирались в столовой – самом большом из помещений, отведенных для них руководством колхоза.

Олег пробыл на картошке всего десять дней, потом его срочно вызвали на тренировки, поскольку в конце сентября были запланированы городские соревнования среди вузов. Олег выступил удачно, даже пробился в финал двухсотметровки вольным стилем, но конкурировать за медали с людьми, среди которых было два мастера спорта международного класса, не смог.

На следующий день после окончания соревнований началась учеба, то есть Олег прямо из бассейна угодил в студенческую аудиторию. Впрочем, занятия быстро отошли на второй план. Слухи о бойке гитаристе разошлись по факультету, и Надеждина позвали на репетицию рок-группы. Это была классическая группа из четырех человек: ударника и трех гитаристов. Олег сразу обратил внимание на высокий уровень музыкантов. Он явно уступал всем гитаристам и не мог понять, зачем его позвали. Ларчик просто открывался. Двое музыкантов оказались варягами, причем один даже консерваторским. Отыграть танцы они могли, а вот защищать честь факультета на институтских конкурсах... С одним посторонним еще куда ни шло, но двое – это уже перебор. К тому же через несколько месяцев воспитанник консерватории, бывший в группе соло-гитаристом, ушел в профессиональный коллектив, и Надеждин из мальчишка на подхвате превратился в полноправного участника группы. Хотя мальчишеским на побегушках он оставался еще больше года.

Дело в том, что большинство репетиций группы проходили по одинаковому сценарию. Музыканты скидывались по рублю, и Олег, как самый младший, отправлялся в магазин за спиртным. Затем, неспешно попивая вино, ребята шлифовали старые песни или разучивали новые. Сам процесс доставлял им огромное удовольствие. А иначе стали бы они четыре дня в неделю по три часа тратить на репетиции.

Но за все хорошее приходится платить. В данном случае платой являлись обязательные общеинститутские концерты, приуроченные к революционным праздникам. Целую неделю музыканты брались за свои инструменты с кислыми физиономиями. В эти дни они либо вообще обходились без спиртного, либо брали вина вдвое меньше. Олег попытался разнообразить процесс, выдумывая разные, не совсем пристойные слова вместо канонического текста,

однако старшие товарищи сделали ему строгое внушение. Оказывается, уже был прецедент. Несколько лет назад они разучивали песню к годовщине революции и на репетициях задорно пели:

*Мы красные кавалеристы, трам-трам-трам,
И самый лучший всадник – это наш Абрам.*

Музыканты настолько привыкли к этим словам, что на торжественном концерте один из ребят запел именно их. К счастью, он дошел только до «трам-трам-трам», а затем спохватился. К тому же песня исполнялась в три голоса, и слушатели в зале ничего не заметили. Или сделали вид, что не заметили.

Выслушав эту историю, Надеждин понял, что придется ему целую неделю тоскливо завывать «Ленин всегда живой, Ленин всегда со мной...». И никуда от этого безобразия не денешься.

Но вот проходил концерт, и все возвращалось на круги своя. Музыканты разучивали песни, которые играли на танцах. Здесь тоже не обходилось без надругательства над текстами. Шла агония застоя, идеологическая цензура свирепствовала, и нельзя было даже подумать о том, чтобы играть в оригинале песни чрезвычайно популярной в тот год «Машины времени».

Группа Надеждина высоко котировалась в студенческой среде, многие хотели попасть на факультетские танцы. Но билеты распространялись среди своих и студентов филологического факультета пединститута. Почему так? Дело в том, что на факультете Олега в основном учились ребята, которых было раз, два и обчелся среди филологов пединститута. По легенде, контакт между двумя столь разными вузами наладил бывший комсорг инженерно-технического, чья сестра училась в пединституте.

Несмотря на строгий контроль у входа, на танцы проникало множество безбилетников. Происходило это разными путями, в том числе и довольно оригинальным. В мужском туалете, расположенном на втором этаже, открывалось окно, двое ребят опускали вниз толстую бельевую веревку. Стоявшие внизу любители танцев хватались за нее, и их затаскивали в здание.

Понятно, что музыканты пользовались повышенным вниманием дам. А Надеждин к тому же был стройным, высоким парнем. У него было особенно много поклонниц. Но Олег родился однолюбом, и это стало его бедой. Его любимая девушка, статная черноволосая красавица, оказалась циничной и расчетливой дамочкой. Она встречалась с Олегом больше года, кое-кто уже поговаривал о студенческой свадьбе, но однажды девушка познакомилась с юношей из МГИМО, сыном директора промтоварной базы. Красотка мигом все просчитала и оставила своего симпатичного, но бедного ухажера. Лишь свойственный юности оптимизм позволил Надеждину пережить разрыв. И только в его песнях отчетливо звучали тоскливые, полные безысходности нотки.

– Ну как? – спросил звукорежиссер, когда Радий Светлов снял наушники.

– Мы их всех порвем, как грелку! – эмоционально воскликнул певец.

Окружающие не стали уточнять, кого именно собирается порвать Радий, все отлично знали имена его главных конкурентов. Только режиссер поинтересовался:

– Значит, ты доволен записью?

– Да, все отлично, на самом высоком уровне. Есть, конечно, отдельные мелочи...

– Знаю. Думаю, за пару дней все подчищу и сведу окончательно.

– Я в тебе не сомневаюсь. Но главное, мужики, что альбом практически записан. Все, у нас есть пара дней на расслабон. Сейчас дружно идем в кабак. Черт, где мой кейс? Опять я его куда-то засунул.

Как настоящая творческая натура, Светлов отличался некоторой рассеянностью. Он частенько забывал про свой кейс, а однажды оставил в студии ключи и вспомнил о них, только когда не смог открыть машину.

Ценная вещь быстро нашлась. Певец забыл его в углу комнаты за диваном.

– Ну, давайте собирайтесь. Кто не с нами, тот останется трезвым.

– Одну минутку, – звукорежиссер собрал все записанные материалы и положил в сейф, ключи от которого были только у него и поп-звезды.

Компания дружно высыпала из студии. Радий продолжил развивать мысль насчет грелки и конкурентов:

– Они все кончатся от зависти. Недаром я отстегнул авторам без малого сто тысяч американских тугриков. Тут хит на хите сидит и хитом погоняет.

– Есть такой альбом «Раба соул», – как бы вскользь сказал звукорежиссер.

Он мог позволить себе критические высказывания. Светлов намек понял.

– Нет, я себя с ними не сравниваю, – с оттенком грусти сказал он, – но для нашей эстрады мой диск, как жемчуг в навозной куче.

– Я не понял, Радий, когда ты успел выпить? – подпустил еще одну шпильку звукорежиссер...

За разговорами никто не заметил исчезновения одного из техников. Да и подумаешь – велика шишка. А тот вернулся в студию, открыв входную дверь непонятно откуда взявшимся у него ключом, и решительно подошел к сейфу. И тут началось самое удивительное. Оказывается, ключ от сейфа у техника тоже был. Он достал все материалы, хладнокровно скопировал их и вернул на место. Копии техник положил в неказистый полиэтиленовый пакет и спокойно вышел из студии.

* * *

Ярко светили огромные хрустальные люстры, копирующие изделия старых венецианских мастеров. Большой зал тоже создавался по чьему-то образу и подобию – то ли Лувра, то ли Эскуриала. Он был заполнен людьми. На первый взгляд тусовка казалась весьма разномастной. Тут попадались старые и молодые, одетые в шикарные костюмы и драные джинсы. Но музыкальный фанат сразу бы догадался, что именно объединяет собравшихся. Почти все они были эстрадными звездами разной величины. Остальные тоже имели отношение к миру нот: продюсеры, хозяева звукозаписывающих фирм и музыкальных каналов, телеведущие.

Похоже, их свело воедино какое-то экстраординарное событие, поскольку в одном месте оказались люди, люто ненавидящие друг друга. Например, две певички, находившиеся в возрасте прощания с молодостью. Совсем недавно вся желтая пресса захлеб рассказывала об их случайной встрече. Заголовки статей были примерно следующие: «Женские бои без правил», «Вырванные волосы и коварный укус в силиконовую грудь», «Звезды тоже дерутся». Сейчас соперницы мирно уживались в одном зале, хотя и не стремились оказаться рядом.

Вот известный исполнитель рэпа вежливо кивнул признанному мастеру попсы, известному своими гомосексуальными пристрастиями. А ведь все помнили скандальное высказывание «рэпейника» о том, что больше всего на свете он ненавидит попсу и гомосексуалистов.

Вообще для такого стечения эстрадных звезд все протекало на удивление чинно и благородно. Хотя вышколенные официанты, ловко маневрируя в толпе, разносили спиртное, никто не злоупотреблял выпивкой и не бросался, захмелев, на конкурентов по творческому цеху.

Но и особого оживления в зале не наблюдалось. Разве что самые знаменитые из музыкантов, настоящие легенды эстрады, переговаривались друг с другом и временами сдержанно улыбались, вспоминая годы бесшабашной молодости. Да, в их времена все было иначе. Хотя музыка уже тогда приносила хорошие деньги, она в первую очередь была источником радости

и уже во вторую – доходной работой. Не случайно многие группы расходились на пике популярности. Творческим личностям хотелось самостоятельности, они не сильно переживали, что без раскрученной команды лишатся солидных доходов.

Сейчас все иначе, эстрада в первую, вторую и даже третью очередь стала бизнесом, отодвинув личное творчество на дальний план. Никого не волновало, что хочет исполнитель. Есть потенциальный хит, давай быстро записывай его, а свои задумки оставь до лучших времен.

Среди собравшихся можно было заметить Алекса Бушмена. Он беседовал с молодым человеком, одетым в стиле «принц и нищий». Пуговицы его дорогой рубашки были из драгоценных камней, в запонках мерцали сапфиры в два карата. Поверх рубашки висела ажурная цепочка из белого золота. Это великолепие до тошноты контрастировало с драными джинсами и выдавшими виды кроссовками. Казалось, молодой человек ограбил какого-то богача, но тот успел сбежать в брюках и туфлях из крокодиловой кожи.

На самом деле он, разумеется, никого не грабил, поскольку в этом не было необходимости. Молодой человек являлся одним из ведущих рэперов США и главной звездой звукозаписывающей компании, сотрудничающей с Бушменом. По большому счету, у Алекса не было необходимости водить дружбу с исполнителями, его дело – выполнить заказ партнера, в срок растиражировать новый альбом. Но ему льстило общение со знаменитостями, да и при случае всегда можно было небрежно сказать:

– Я тут недавно встретился с N. Поболтали, выпили по стаканчику виски.

И знакомые сразу начинают смотреть на тебя по-другому, с уважением и некоторой долей зависти.

А молодой человек, хотя и на чужом опыте, знал о превратностях судьбы. Сегодня ты герой первых полос газет, кумир молодежи, а завтра – отработанный материал, всеми забытый и заброшенный. На этот случай может пригодиться любое знакомство с людьми, имеющими отношение к шоу-бизнесу. Тем более если это знакомство столь необременительно. Встретились, перекинулись десятком фраз и разошлись. Ну, еще пришлось оставить автограф на постере для детишек бизнесмена. Так, автографом больше – автографом меньше, если он ежедневно раздает их десятками.

Мимо проходил официант. Алекс остановил его щелчком пальцев и взял стакан минеральной воды. Рэпер, вопреки установившемуся мнению о поголовном пьянстве музыкантов, довольствовался свежавыжатым соком. Он вообще не употреблял алкоголь, предпочитая изредка покуривать «травку».

– Пора бы начинать, – сказал Бушмен, взглянув на свой «Ролекс».

– Еще минута, – возразил рэпер, посмотрев на дешевую электронную штамповку.

Она резко контрастировала с перстнем на правой руке. В перстне кроваво мерцал рубин в три карата. Второй рубин был вставлен в серьгу в правом ухе. Левое ухо тоже украшала серьга, но уже с бриллиантом. Оправа для самоцветов была выполнена из разных материалов – серебра и непонятного сплава серого цвета.

Ровно через минуту на трибуне возник импозантный мужчина лет сорока пяти. Его появление собравшиеся встретили сдержанными аплодисментами. Мужчина постучал ногтем по микрофону и сказал:

– Приветствую вас, дамы и господа! К сожалению, не могу сказать, что мы собрались здесь по радостному поводу. Нас привела сюда общая беда. Вынужден отметить то, что вы и сами прекрасно знаете: несмотря на все усилия, в мире с каждым годом нарастает вал пиратских записей. Число незаконных дисков давно перевалило за миллиард. К этому привели две причины. Во-первых, переход с обычных пластинок на компакт-диски. Стало легче доставать исходные материалы, производство требует меньших площадей. Но главная проблема – крушение коммунистических режимов. Мы надеялись, что с образованием новых демократических государств получим новые рынки сбыта, а на деле вышло совсем иначе. Мало того что в этих стра-

нах почти все записи являются контрафактными, так зараза перекинулась и на цивилизованные государства. Пиратские диски уже изымались в Германии, Франции, Великобритании... Дальше перечислять нет смысла, практически везде пиратская сеть раскинула свои щупальца. Борьба с нелегалами исключительно карательными мерами бесполезно. Слишком выгодный бизнес, на месте одной разгромленной подпольной фабрики появляются две другие. Поэтому у нас возникла новая идея. В каких странах больше всего процветает пиратство?

В ответ понеслись разрозненные возгласы, но чаще всего упоминались Китай и Россия.

– Верно, – согласился мужчина. – Поэтому мы решили в первую очередь обратить внимание на эти страны. Начнем с России. Тут все ясно. В государстве, где семьдесят лет игнорировалось понятие собственности, значительная часть бизнеса еще долго будет оставаться криминальной. Иначе просто невозможно. Прибавьте к этому странную ценовую политику. В Москве лицензионный компакт-диск стоит в среднем тридцать долларов, то есть дороже всего в мире. И это при средней зарплате россиянина в триста долларов. Стоит ли после этого удивляться, что девяносто процентов российских компакт-дисков пиратские. Мы видим единственный путь решения проблемы. Уже проведены переговоры с российским правительством. Они были довольно сложные, но нам удалось добиться главного. Под Москвой полным ходом строится завод, чьи мощности позволят удовлетворить значительную часть спроса русских. Мы сумели договориться, что будем сами устанавливать цены на свою продукцию. И она будет ниже тридцати долларов. А вот насколько ниже и сумеем ли мы успешно конкурировать с пиратскими цехами, зависит от того, договоримся ли мы с вами, готовы ли вы на первое время, подчеркиваю – на первое время, пока не вытесним с рынка пиратов, удовлетвориться минимальными гонорарами по России? Впрочем, для начала я предоставляю слово владельцу строящегося в России завода господину Алексу Бушмену.

Алекс отставил стакан и с достоинством двинулся к трибуне.

Глава 4

При несомненных способностях Надеждин окончил институт с посредственными успехами. В приложении к диплому доминировали четверки, но хватало и троек, а пятерок было всего две. Сказалась увлеченность свежеспущенного специалиста музыкой. Продолжай Олег заниматься плаванием, его перспективы выглядели бы более радужными. Но со спортом Надеждин завязал после второго курса. А участие в самодеятельной рок-группе еще никому не давало официальных льгот. Пришлось молодому человеку покинуть родительский дом и отправиться в сельскую школу преподавать физику, о которой он сам имел лишь смутное представление.

Поселили Надеждина в обычном крестьянском доме, где жила одинокая женщина лет сорока с малолетним сыном. Поселили, разумеется, без всяких мыслей о том, что зрелая дама найдет свое женское счастье с молоденьким учителем. Просто все мужики деревни пили по-черному, и начальство не хотело подселать интеллигента к алкоголику. Ведь дурной пример заразителен, еще, чего доброго, сопьется, бедолага. И если дело пойдет такими темпами, где набрать преподавателей физики?

Кроме одежды и учебников, Олег взял с собой гитару. Но сыграть на ней ему довелось лишь пару раз. Услышав томные переборы «Одинокой женщины», быстренько явились несколько суровых местных парней и без лишних предисловий заявили:

– Ты это... убери свою балалайку... иначе не посмотрим, что учитель, начистим пятак на всю оставшуюся жизнь.

Сперва Олег не догадался о причинах столь негативного отношения к его музыкальным упражнениям, даже подумал, что у местных жителей аллергия на струнные инструменты. Лишь позже он сообразил, что ребята таким образом на корню пресекали нечестную конкуренцию. Еще бы – высокий, стройный, культурный да еще на гитаре играет. И холостой. Тут все местные девки стали бы наперебой строить глазки учителю, игнорируя своих недавних кавалеров. Пришлось лишиться конкурента одного из главных козырей.

Но другие-то остались. А жизнь в этом медвежьем углу была наискучнейшая. Еще в сентябре и октябре – туда-сюда, можно походить по лесу, собирая грибы и орехи. Кроме того, Надеждин от безысходности приучился к рыбалке. Приятно сидеть на берегу водоема, наслаждаясь последними теплыми днями уходящего года и вытягивая рыбку за рыбой. Причем безо всяких ухищрений, мучений с насадками. Рыба жадно хватала обычный хлеб, а если хотелось выудить экземплярчик побольше, достаточно было выкопать парочку крупных дождевых червей. Столичный фанатик рыбалки дорого бы дал, чтобы очутиться на месте Надеждина. Но Олег дал бы еще больше за возможность вернуться домой. Особенно когда похолодало и начались дожди. Приходилось сидеть дома и умирать от скуки. Развлечений-то с гулькин нос. Местная библиотека комплектовалась то ли упертым ленинцем, то ли тайным садистом. Она состояла из книг далеко не лучших пролетарских писателей. Плюс бестселлер всех времен и народов «Три мушкетера», который постоянно находился на руках у читателей.

Учитывая развернувшиеся в стране события, мог спасти телевизор, но он показывал только одну программу, да и то с помехами. К тому же местное начальство, страхуясь и перестраховываясь, отключало трансляции самых острых передач. Мол, неизвестно, как жизнь повернется. Если к власти вернется прежнее начальство, оно за все спросит. Обязательно спросит. И надо заранее готовить положительный ответ.

В такой ситуации и не без уговоров хозяйки дома Олег однажды отважился сходить на местные танцы. Они после институтских вечеров произвели на молодого человека удручающее впечатление. Маленькое убогое помещение наводило на мысль, что здесь когда-то находились барские конюшни. Новые хозяева сломали стойла, частично убрали навоз, поставили вдоль

стен стулья и вынесли солому. Но не всю, поскольку она регулярно оказывалась под ногами. Музыка, хрипло пробивающаяся сквозь обшарпанные динамики, сразу отбила у Надеждина всякое желание танцевать. Ну не любил он официальную советскую эстраду, как не любит нормальный здоровый человек диетическое больничное питание.

Олег попытался ускользнуть, но был тут же задержан розовощекой девушкой лет двадцати. Вообще появление учителя вызвало фурор среди женской части танцующих. Эта часть явно преобладала. В зале находилось около тридцати молодых женщин и десятков подвыпивших ребят.

Танцы проходили довольно странно. В помещение регулярно влетали малолетние пацаны, среди которых Олег признал нескольких своих учеников. Они с визгом гонялись друг за другом, не всегда удачно лавируя между танцующими. Один парнишка едва не влетел со всей дури в партнершу Надеждина. Только в последний момент учитель успел его перехватить.

Потом ввалилась компания пьяных мужиков. Бедолаги замерзли на улице и захотели согреться не только изнутри, но и снаружи. Заодно они решили продолжить мероприятие в более цивилизованной обстановке. Мужики расположились в углу, достали выпивку и немудреную закуску. Произведя дозаправку, они активно вовлеклись в общее веселье, продемонстрировав местный вариант караоке. Выглядело это так. Под рвущийся из динамика хит «Музыка на-а-а-с связала» мужики принялись громко выкрикивать набор нечленораздельных звуков:

– Эй-гоп-эх-ух-ах-уф-эй-гоп.

При этом один из них, в тяжелых кирзовых сапогах, взялся танцевать вприсядку, но после нескольких коленец потерял равновесие и бухнулся под ноги танцующим.

– Вы че тут, е-мое, путаетесь! – возмутился он, лежа на полу.

Но в целом мужики вели себя спокойно. А вот молодые ребята постоянно бросали на Олега косые взгляды, а один, проходя мимо, зло процедил:

– Тебе повезло, учитель. Кладбище рядом, далеко нести не придется.

Одна из девушек, услышав эти слова, иронично усмехнулась.

«Чего тут смешного? – хотел сказать Надеждин. – Школа вот-вот лишится единственного учителя физики, а этой местной Дульцинее хихоньки да хахоньки».

Словно прочитав его мысли, девушка пояснила:

– Им теперь только остается языками трепать. А тронуть тебя они побоятся, иначе Васильич их живо в Гнилушки сошлет.

Кто такой Васильич, Надеждин знал. Председатель местного колхоза, мужик суровый и скорый в исполнении обещанного наказания. Но что за таинственные Гнилушки? Может быть, какая-то местная исправительная колония? Но как можно туда сослать без суда и следствия?

Вскоре все прояснилось. Гнилушками назывался участок поля рядом с болотом. Место малопривлекательное, там даже в самые жаркие дни намертво застревала любая техника. А каждый местный житель держал скотину, для ее прокорма колхоз выделял участки, где люди косили на зиму траву. Провинившихся Васильич отправлял в Гнилушки. А там ни косилка не пройдет, ни трактор. Приходилось вручную косить траву и на своем горбу вытаскивать из гиблого места. Тут даже пьяный десять раз подумает, прежде чем разгневать всемогущего председателя.

А что касается Олега, то уже был прецедент. Несколько лет назад пацаны отметелили молодого учителя математики. После чего Васильич сурово заявил:

– Друг другу хоть все зубы повыбивайте. Но если кто тронет учителя, до конца жизни будет сидеть в Гнилушках.

Девушка оказалась права. Местные пацаны еще не раз угрожали Надеждину, но до рукоприкладства дело так и не дошло, хотя Олег завел небольшую интрижку с одной из деревенских красоток. Ведь больше нечем было заниматься. Они встречались до конца учебного года, а в июне Надеждина совершенно неожиданно вызвали в районо:

- Держите, – полная женщина средних лет протянула Олегу какую-то бумагу.
- Что это? – удивленно спросил Надеждин.

Женщина резко изменилась в лице и зло посмотрела на молодого человека:

– Дурачком прикидываешься, будто не знаешь. Все вы, городские, только и думаете, чтобы сбежать отсюда. А кто наших детей грамоте обучит? Сейчас в некоторых школах люди работают на три ставки, один учитель преподает математику, русский язык и физкультуру. А что дальше будет? Вообще отменить в деревне среднее образование или возить детей в городские школы? Так ведь не навозишься!

- Да я в самом деле не знаю, что за бумага! – воскликнул Олег.

Женщина посмотрела ему в глаза и смущенно улыбнулась:

– Тогда извини. Но каким ветром тебя занесло в деревенскую школу, если ты такая важная птица?

- Я? Ну что вы! Я – обычный человек без связей и влиятельных родственников.

– Странно. Обычно такие бумаги шлют только очень нужным людям. Или выбивают по большому благу. Да ты возьми почитай.

Первым делом в глаза Олегу бросились внушительные печати одного из министерств. Дальше шел текст, из содержания которого толком понять можно было только одно: Надеждина срочно вызывают в Москву.

Несколько жарких поцелуев, дежурное обещание непременно встретиться снова, торопливое прощание с хозяйкой, и Олег (гулять так гулять) решил лететь самолетом, а не тащиться в поезде. Дома ему объяснили причины столь внезапной перемены судьбы. Отставание страны в производстве качественной бытовой техники давно стало притчей во языцех. Новое руководство государства задумало разобраться с этой бедой. В частности, было принято решение о создании современного музыкального центра. В состав научно-технического коллектива привлекли одного из сокурсников Олега. Он и вспомнил о Надеждине, у которого имелось одно достоинство, важное для разработки такого рода техники, – Олег обладал абсолютным слухом. Хватило короткого разговора с начальником проекта, чтобы молодой специалист был немедленно отозван в Москву.

* * *

В ресторане за угловым столиком, откуда открывался отличный обзор всего зала, в гордом одиночестве сидела эффектная блондинка. На все попытки составить ей компанию красотка отвечала стандартной фразой:

- Ко мне должны подойти знакомые.

Поскольку ресторан был заполнен едва ли наполовину, женщине легко удавалось отказать непрошенных гостей.

Перед блондинкой стоял бокал «Мартини» и крабовый салат. Она лениво ковырялась вилкой в деликатесе и временами отпивала маленький глоток. При этом женщина окидывала пристальным взглядом каждого входящего в ресторан человека, после чего на ее лице отражалось едва заметное разочарование. Но вот на пороге возник молодой парень. Блондинка критически осмотрела его и слегка пожала плечами. Мол, на бесптичье... Женщине не потребовалось больших усилий, чтобы парень заметил ее взгляд. После этого он без колебаний двинулся к столику блондинки и произнес до идиотизма банальную фразу:

- Почему такая красивая женщина скучает в одиночестве?
- А если у меня хобби такое – в любой толпе оставаться одной?

Парень напрягся. События развивались по непредусмотренному сценарию. Судя по его предыдущему опыту, женщина должна была либо недвусмысленно отшить кавалера, либо произнести какие-то слова, свидетельствующие о ее готовности принять ухаживания. А тут просто

дурацкий ответ на дурацкий вопрос. После минутного колебания молодой человек решил: все, что не запрещено, разрешено. Он взялся рукой за спинку стула:

– Вы позволите?

– А вы уверены, что вам этого хочется?

Снова замешательство, а затем, поскольку на ум не приходило достойного ответа, раздалось нечто напоминающее мычание:

– У-у.

– Ладно, садитесь уже, – милостиво позволила красotka.

Она была бесконечно далека от дурочки блондинки из анекдотов. Женщина отличалась умом и мертвой хваткой. Четыре года назад на одной из московских тусовок она познакомилась с состоятельным бизнесменом. Многие красotки из той же, что и блондинка, категории охотниц за чужими деньгами слишком часто поддавались чувствам и останавливали свой взор на молодых, сексуально привлекательных богачах. Наивные. Ведь по большому счету они понимали, что роман окажется слишком коротким, но почему-то надеялись, что именно ее миллионер поведет под венец. Увы, в лучшем случае все заканчивалось дорогим подарком на прощание. Блондинка не повторяла чужих ошибок. Ее избраннику перевалило за семьдесят. Кроме того, блондинка сумела где-то раздобыть анамнезы всех престарелых любителей потусоваться. То есть действовала она наверняка, зная сильные и слабые стороны своего противника... то есть будущего избранника.

Красота и ум женщины оказались безотказным оружием. Поняв, что без штампа в паспорте взаимности ему не добиться, бизнесмен решил на женитьбу. Конечно, его родственники бурно протестовали. Еще бы, новая претендентка на богатое наследство. Однако бизнесмен проигнорировал их возражения. Тем более блондинка сама предложила такой вариант брачного контракта, по которому в случае развода она оказывалась на улице без копейки мужниных денег. Так она и не собиралась разводиться. У нее имелся другой, совершенно безотказный план. Вкусная, но вредная для семидесятилетнего мужчины еда, сладкие ликеры, наносившие жестокие удары по больной печени, ночи развратной любви, когда несчастному бизнесмену регулярно приходилось доказывать, что он еще мужчина хоть куда. А доказать это в его возрасте было возможно только при употреблении мощных препаратов, стимулирующих не только эрекцию, но и перебои в работе сердца.

Все же бизнесмен оказался крепким орешком. Больше трех лет потребовалась блондинке, чтобы свести его в могилу. Так она присоединилась к сообществу богатых молодых вдов, которых в России с каждым годом становится все больше. Правда, родственники покойного сделали отчаянную попытку отвоевать потерянное имущество. Но не тут-то было. Блондинка еще до составления брачного контракта проконсультировалась с опытным юристом, и даже прожженные адвокаты, ознакомившись с текстом, только разводили руками. Родственникам пришлось довольствоваться пятой частью состояния, а все остальное досталось «безутешной вдове». Впрочем, горевала она ровно столько, сколько требуют приличия, а затем принялась наслаждаться жизнью. Деньги и красота блондинки привлекали многих мужчин, среди претендентов в мужья оказывались весьма достойные кандидатуры, но вдовушка не торопилась связывать себя узами брака. На какое-то время она превратилась в завсегдатая дамских клубов, где имелся достаточно богатый выбор партнеров. Со временем жиголо ей надоели, и блондинка забавы ради новым полем охоты выбрала рестораны. Пусть мужчины клюют исключительно на ее внешность, так интереснее. Особенно ей нравились не очень богатые интеллигенты. Точнее – их реакция, когда они, расплатившись с таксистом, оказывались в шикарной квартире элитного дома.

Однако на этот раз был совсем другой случай. Новый знакомый блондинки отличался приятной внешностью и полным отсутствием мозгов. А вдовушка презирала глупых мужчин. Впрочем, некоторое время она колебалась. Если дать отставку кавалеру, вечер окажется

напрасно потерянным, а этого балбеса можно утром выставить из квартиры и навсегда о нем забыть. Все решил сам молодой человек, вздумавший позабавить даму анекдотом и закончивший свое выступление лошадиным ржанием.

– Наверное, тут надо смеяться? – вкрадчиво поинтересовалась блондинка, когда наступило молчание. – А я и не поняла. Действительно, очень смешно – член в электромясорубке. Извините, я отлучусь в дамскую комнату.

Но блондинка не пошла в дамскую комнату, а через зал для курящих направилась ко второму выходу. На улице она поймала такси. Машина остановилась у помпезного здания, окруженного металлической оградой. Блондинка подошла к будке охранника. Крепкий молодой парень посмотрел на нее и без лишних вопросов открыл дверь. Женщина двинулась по дорожке, ведущей к дому. С двух сторон дорожку окружали деревья, а в одном месте, куда едва пробивался свет фонарей, стояла пластиковая скамейка, где частенько устраивали романтические свидания отпрыски богатых родителей. Но сейчас скамейка пустовала. Блондинка присела на нее и грустно вздохнула. Если бы она курила, то обязательно достала бы сигарету. Вечер не задался. Ее ждала пустая квартира, в ней не было даже кота, которого можно было бы приласкать. Блондинка закинула ногу на ногу, и тут сзади ее обхватили чьи-то грубые руки. Женщина попыталась закричать, но потная ладонь закрыла ей рот, она попробовала сопротивляться, и впервые в жизни ее хрупкая изящная фигурка оказалась не достоинством, а недостатком. Она была гораздо слабее неведомого злодея.

Нападавший переволок женщину через спинку сиденья и бросил на землю. В полумраке женщина едва различила искаженное яростью лицо.

«Лишь бы не сифилитик», – подумалось ей.

Обладавшая твердым характером, блондинка сохранила ясность мысли. Она почему-то испытывала уверенность, что имеет дело с банальным насильником, и выжидала благоприятного момента, чтобы позвать на помощь. Она не сомневалась, что сумеет улучшить такой момент, а вышколенные охранники немедленно выручат ее из беды. Пусть только маньяк начнет срывать одежду. Вряд ли это у него получится одной рукой, придется хоть на секунду освободить ей рот. Этого вполне хватит.

Мужчина действительно убрал руку, но тут же схватил свою жертву за горло и принялся изо всех сил душить. Вместо крика изо рта блондинки вырывались только сдавленные хрипы. Наконец ее тело конвульсивно содрогнулось и обмякло. Мужчина перевернул женщину на живот, ухватился двумя руками за голову и резко крутанул. Теперь он был уверен, что его жертва мертва.

Глава 5

Из церкви они, как всегда, шли пешком – Алекс Бушмен, его жена и дочь. Пусть те, кому надо, видят: перед лицом Господа миллионер полон смирения, он выказывает не свое богатство, а признание верховенства духовного над плотским. И хотя до особняка Алекса больше километра, столбик термометра подбирается к сорока градусам, а Бушмен и его жена далеко не молоды, они пройдут свой путь до конца. Они не чета юнцу, который после проповеди уселся в красный «феррари». Кстати, пусть копы поинтересуются, откуда у сопливого пацана деньги на престижное авто? Наверняка приторговывает героином или хакерствует, воруя деньги с банковских счетов почтенных граждан. Ему, Алексу, не безразлично будущее его великой страны, эстафету грандиозных свершений хочется передать в сильные и чистые руки. Американцы должны гордиться не только своими отцами, но и детьми.

Таковыми, как дочь Алекса. Перед ее появлением на свет они с женой сильно беспокоились. Все же первые поздние роды, да и врачи были не слишком убедительны в своем оптимизме. Но все обошлось, девочка родилась здоровой, без всяких умственных и физических отклонений. Она училась в обычной школе, но Алекс не поскупился, с ней дополнительно занимались лучшие местные педагоги. Результаты не замедлили сказаться, дочь поступила в престижный университет. Там она усердно постигала науки, не отвлекаясь на разные глупости вроде участия в группе поддержки университетской баскетбольной команды. Бурные любовные романы тоже обошли ее стороной. Не случайно она вернулась на каникулы в отчий дом. Хотя, честно говоря, трудно было ожидать другого при ее внешности и характере. С присущим ему умением трезво оценивать ситуацию, Бушмен понимал, как сложно дочери найти молодого человека. Красотой она не блещет и при этом является максималисткой в требованиях к своему избраннику. Дочь избегает мимолетных романов, она хочет все или ничего. Рационалист до мозга костей, Алекс уже смирился с мыслью, что его зятем станет выходец из небогатой семьи, соблазненный приданым невесты. И ладно, денег у них хватает. Лишь бы супруг должным образом относился к своим обязанностям. Но об этом Алекс побеспокоится. Он наймет человека, который будет тайно контролировать поведение мужа дочери и в случае чего доходчиво объяснит, что тот не прав. Раз выбрал деньги, то и оставайся строго при деньгах, а не просаживай чужие капиталы на сомнительных красоток.

Они вернулись домой, взмокший Алекс забрался под душ, а жена отправилась на кухню. Вот и еще один повод для уважения соседей. Невзирая на богатство, супруга Бушмена осталась простой работающей женщиной. Ведь Алекс мог нанять и повара, и служанку, и уборщицу, но ограничился только приходящим садовником. Вся работа по дому выполняла жена. Она редко сидела без дела, постоянно что-то мыла, убирала, готовила. Однажды Алекс заикнулся о прислуге и тут же услышал резкий вопрос:

– Тебя что-то не устраивает?

– Нет, просто мы уже достигли солидного возраста, надо себя поберечь.

– Когда люди начинают себя беречь, они обзаводятся разными болячками. А я, к твоему сведению, регулярно показываюсь врачам, и, как только они посоветуют мне уменьшить нагрузку, мы найдем человека. Пока же доктора вполне удовлетворены состоянием моего здоровья. И потом, Алекс, неужели ты хочешь, чтобы у нас постоянно находился посторонний человек?

– В некоторых семьях таких посторонних около десятка.

– У каждого свои привычки, но лично я не хочу допускать кого-то в свой дом.

На этом в разговоре была поставлена точка. Вернее, многоточие, поскольку оба четко осознавали, что в один далеко не прекрасный день у женщины не хватит сил заниматься хозяйством и придется нанимать прислугу.

Выйдя из душа, Бушмен лег на диван и включил телевизор. Много лет он черпал новости из солидных газет, но однажды с прискорбием заметил, что строчки перед глазами начинают расплываться и кружится голова. Перепуганный Алекс бросился к окулисту.

– Все нормально, – утешил его врач. – Обычная дальнорзоркость, причем у вас она наступила позже обычного. Выпишу очки, и читайте себе на здоровье.

В очках Бушмен страшно себе не понравился. Он сменил десяток оправ, но суть оставалась прежней. В очках Бушмен выглядел слишком интеллигентным и даже немножечко беззащитным.

– Ай, брось, кто тебя видит! – пыталась уговорить его жена.

Бесполезно. Алекс предпочел отказаться от чтения. А почему нет? По утверждению статистиков, так поступает около четверти американцев. В самом деле, зачем напрягаться, если тебе все покажут и расскажут? Только в последнее время пришлось наступить на горло собственной песне. В связи с новым проектом в компанию Бушмена хлынул поток бумаг, и бизнесмен предпочел лично изучить все мало-мальски важные документы. В бизнесе перекладывать на другого чтение деловых бумаг так же опасно, как просить незнакомого человека посторожить твой бумажник.

До аналитической программы музыкального канала оставалось несколько минут, и на экране девчоночья группа меланхолично пела об угрозе глобального потепления через призму отношений с неким молодым человеком. Надо сказать честно, Алекс прохладно относился к современной музыке. Больше того, его временами бесило засилье в поп-индустрии девчоночьих и мальчишечьих коллективов. И ладно бы они пели о том, что успели узнать и почувствовать: первой любви, школьных делах, детских играх. Так нет же, некоторые слишком умные поэты-песенники вкладывают в их уста тексты об охране окружающей среды, борьбе с терроризмом. Они бы еще о старческих болезнях запели!

Бушмен предпочитал джаз. Ну ладно – Алекс, ему в принципе не было нужды любить современную эстраду. Его дело – растиражировать уже готовые записи. Но Бушмен знал нескольких удачливых продюсеров, крайне негативно воспринимавших популярную музыку. И как относиться к тезису, будто человек только тогда хорошо выполняет свою работу, если любит ее? Наверное, с известной долей скептицизма. У удачливых продюсеров было чутье. От эстрадной музыки их тошнило, зато они чувствовали, что эти мальчишки или девочки способны завоевать сердца миллионов тинейджеров. И вкладывали деньги в потенциальных звезд, очень редко при этом ошибаясь.

Началась аналитическая программа. Вел ее известный в музыкальных кругах человек, тоже обладавший своего рода уникальным чутьем. Он частенько угадывал в никому не известных командах будущих кумиров. Для Алекса его пророчества являлись руководством к действию. Если группа находилась в пределах досягаемости, он узнавал, с какой из звукозаписывающих студий она заключила контракт. Бушмен договаривался с владельцами студии и начинал штамповать диски певцов. Сначала крошечными партиями, а потом... У него был случай, когда благодаря подсказке аналитика он перехватил начинающего певца. Тиражи его компактв за два года выросли с десяти тысяч до миллиона экземпляров. Понятно, что большая часть денег уходила певцу и его продюсеру, но Бушмену тоже кое-что перепало. Причем музыкант очень сильно удивился бы, узнав, сколько денег зарабатывает фабрикант на его творчестве.

Однако на этот раз аналитик обошелся без своих знаменитых пророчеств. Алекс досмотрел программу до конца и, как только на экране появился чернокожий вокалист, нажал кнопку спортивного канала.

* * *

На новой работе Надеждин успел сделать две вещи: познакомиться с коллективом и разобраться в сути амбициозного проекта. Насчет второго он явно погорячился. Финансирование таяло с пугающей быстротой мартовского снега. Сначала ушли в небытие поставки оборудования. Зарплату сотрудников руководитель проекта, академик с мировым именем, временно отстоял.

– Оборудование – дело наживное, появятся деньги, и закупим его, сколько надо. А вот если уйдут квалифицированные работники, будем себе локти кусать, – горячо убеждал он высокое начальство.

Руководство соглашалось, однако и оно было не в силах противостоять разрухе, накрывшей страну. Деньги стали поступать с перебоями и в мизерных количествах. Надеждин впервые узнал на собственном горьком опыте, что такое бедность. Денег едва хватало на скудную еду. Покупка одежды осталась только в воспоминаниях о прошлой жизни. Олегу пришлось самому чинить прохудившиеся зимние сапоги. Получилось убого, но сносно. Он даже пожалел, что уехал из деревни. Там не было проблем с пропитанием и люди всегда приходили друг другу на выручку.

Надеждин продолжал ежедневно ездить на работу, хотя работой это назвать было трудно. Из-за отсутствия комплектующих дело переместилось в область теоретических изысканий, которыми занимались только отъявленные энтузиасты. Большая часть сотрудников уволилась, а оставшиеся убивали время самыми разнообразными способами. Кое-кто побогаче покупал книги, которые затем читались в порядке очереди. Большой популярностью пользовался настольный теннис. Поначалу сотрудники стеснялись гонять шарик в рабочее время, а затем осмелели. Случилось это, когда академик, устав бороться за свою идею, ушел из проекта. Новый руководитель в первую очередь был озабочен поиском другого места работы и на забавы подчиненных смотрел сквозь пальцы. Кроме того, он небезосновательно считал, что за время вынужденного простоя немногие революционные идеи, заложенные в проекте, успели устареть, а новым в принципе неоткуда было взяться за такие деньги. Уже вовсю шастали по Москве представители различных зарубежных сообществ, и ученые предпочитали делиться своими перспективными разработками с ними – за приличное вознаграждение.

Благодаря внезапно рухнувшему железному занавесу в коллектив начали попадать рекламные проспекты с новейшими разработками западных компаний. Разглядывая их, Надеждин особенно ясно понимал: их команду нужно срочно распускать за ненадобностью. Они снова отстали, и на этот раз катастрофически, без всяких шансов догнать...

В одном подъезде с Надеждиным жил его школьный приятель Юрка Зарубин, вернее, теперь уже Юрий Виленович Зарубин.

Вот парадокс, его отца назвали в честь вождя пролетариата, ведь имя Вилен расшифровывается как Владимир Ильич Ленин, а сын вырос частным собственником. Буржуем, грубо говоря, хотя это определение не совсем подходило однокласснику Олега. Но и на бандита Зарубин не тянул. Скорее его можно было назвать полукриминальным предпринимателем. Во время их бесед Юрий очень скупно говорил о своей работе, но кое-какие выводы Надеждин сделал. Зарубин ввозил из-за рубежа входившие тогда в моду компьютеры. Судя по намекам, у Юрки на таможне был свой, прикормленный человек. Благодаря его стараниям пошлины на ввозимые Зарубиным товары уменьшались во много раз.

Помимо компьютеров у Юрки были еще какие-то дела, о которых он не распространялся. Но Олег несколько раз видел Зарубина у подъезда в компании упакованных в кожу крепких парней, обращавшихся к Юрке с подобострастием. Надеждин читал газеты, смотрел телевизор и знал о преступном цунами, накрывшем страну. Поэтому выводы напрашивались сами собой.

Вряд ли такая орава «качков» занималась обеспечением безопасности Юркиной торговли. Олег хорошо изучил своего школьного друга. Зарубин никогда не стал бы заниматься откровенным криминалом вроде торговли наркотиками или рэкета. Но зачем Юрке целая команда бойцов? Об этом Олег узнал значительно позже.

Позже он узнал еще об одной вещи. Зарубин тоже разобрался в психологии своего приятеля. Он понимал, что денег у него Олег не возьмет. Поэтому он решил действовать через мать. Какая женщина откажется от помощи, если ее ребенок испытывает нужду! А Надеждин все удивлялся: откуда у них в доме стала появляться нормальная еда, вполне приличная одежда. Мать отговаривалась дополнительными заработками и умением экономить, хотя на деле все обстояло иначе.

Как-то Олег возвращался домой с работы и на лестнице встретил спускавшегося вниз Зарубина.

– Привет, Юра! Собрался поразвлечься?

– Ты думаешь, что вечером можно только развлекаться? Ошибаешься, дружище. У меня рабочий день ненормированный, иногда сутками напролет дурака валяю, а иногда пашу как лошадь, днем и ночью. У тебя-то как дела?

– Без изменений. Наша контора дышит на ладан, но все еще жива.

– А ты не пробовал найти человеческую работу?

– Шутишь! По моей специальности людей только увольняют. Берут исключительно сотрудников высшей квалификации, а обо мне такого даже подумать нельзя. Я ткнулся в пару школ, но меня давно опередили. Мест нет. И опять же, какой у меня опыт работы? Год в сельской школе. Я не конкурент учителям со стажем.

– Ладно, не будем о грустном. Слушай, Олег, у тебя ведь скоро день рождения?

– Ага, очень скоро, через два месяца.

– Нормально. Давай я тебе компьютер подарю.

– А оно мне надо? Что я с ним буду делать?

– Я загружу тебе игры, будешь развлекаться на досуге. А еще есть такая потрясающая штука – Интернет. Слыхал?

– Ну слышал. Очередная забава капиталистов.

– Почему только капиталистов? У нас в Москве он тоже есть.

– А какая разница – нью-йоркские капиталисты или московские? Обычному человеку Интернет не по карману.

– Ну, у американского работяги бабок на Интернет хватит элементарно, а тебе я помогу. Устрою все в лучшем виде. Будешь изучать новейшие разработки по твоей специальности или порнушку смотреть.

– Порнухи мне без Интернета хватает. Сразу два местных канала с десяти вечера крутят фильмы, где все только и делают, что трахаются. Даже когда девица заходит в частный магазинчик купить банальную жвачку, а там продавец – женщина, дело все равно заканчивается сексуальной сценой. Надоело уже!

– Только учти, оба канала коммерческие, до Нового года их можно смотреть на халяву, а потом только за бабки. Кроме того, в Интернете есть куча информации практически на любую тему. Приспичило тебе узнать, есть ли у вши член, зашел – и получи ответ.

– Заманчиво, конечно, – начал Олег, но тут раздался оглушительный грохот, под ноги приятелям рухнули осколки вылетевшего из окна стекла.

Зарубин стремглав бросился вниз, Надеждин рванулся за ним. Напротив подъезда языки пламени старательно вылизывали искореженный металлический остов, всего пару минут назад являвшийся новеньким Юркиным «бумером». Зарубин повернулся к Олегу. Несмотря на стремительное ускорение, лицо его стало бледнеть.

– Спасибо тебе, дружище! – обнял он Надеждина. – Ты мне жизнь спас. Ты и этот косо-рукий подрывник, не сумевший грамотно установить адскую машинку. Но в первую очередь ты. Если бы я тебя не встретил, то уселся бы в свою тачку и отправился прямиком на небеса.

Глава 6

Так совпало, что у Рублева выдалось свободное время и оказалось подходящее настроение. Он включил кассетник и поставил сборку Винсента Фернера, более известного как Эллис Купер. Мощное роковое вступление разорвало тишину многоэтажного дома. Борис заварил свой фирменный крепчайший чай, закурил сигарету и вернулся в комнату. Тем временем за одним хитом Купера последовал второй...

Подберезский как-то сказал ему, правда относительно другого музыканта:

– Слушай, Комбат, на фига тебе этот допотопный кассетник с шепелявыми записями?

Весь Высоцкий уже давно есть на компакт-дисках.

– Весь, да не так, – мгновенно отреагировал Рублев.

– То есть? – не понял Андрей.

– Элементарно. Сколько песен написал Высоцкий?

– Откуда я знаю? Ты ведь у нас по нему главный специалист. Я только слышал, что их у него порядка восьмисот.

– Даже больше. Из них мне нравится от силы десятая часть. Остальное, при всем моем уважении к Высоцкому, балласт. Так зачем мне покупать компакт-диск, на котором я буду слушать одну-две песни?

– Зато качество...

– А вот качество – твоя забота. Ты мне, помнится, хвастался, что у тебя есть приятель, занимающийся музыкальным бизнесом.

– Да, – подтвердил Андрей, – и хороший приятель.

– Так напряги его. Я набросаю списочек: Высоцкий, Визбор, рок-монстры семидесятых.

Пусть он запишет с лицензионных дисков на хорошие кассеты.

– Готовь список, а я договарюсь с ним.

Борис корпел над списком полдня, зато остался более чем удовлетворен результатом. Если друг Андрея так же тщательно выполнит заказ, фонотеку Комбата можно будет считать практически идеальной.

Рублев связался с Подберезским, передал ему список. Прошло всего несколько дней, когда раздался звонок Андрея.

– Здравствуй, Иваныч! Как у тебя насчет завтрашнего вечера?

– Если надо, могу освободиться. А у тебя есть идея?

– Идея одна – посидим, поговорим за жизнь. А то видимся урывками. Я вспоминал, когда мы в последний раз с тобой выпивали, и не смог вспомнить.

– Стареешь, Андрюха. Ведь это было сравнительно недавно. Но хорошо, я приеду.

К появлению Рублева Андрей накрыл стол, выставил бутылку хорошей водки и закуски. Напротив, у телевизора, лежал полиэтиленовый пакет, оказавшийся явно не на своем месте. Но Подберезский не торопился его убирать.

Налили по рюмке, выпили. Борис закусил маринованным огурчиком.

– Не спорю, вкусно. Но он же не пахнет! А помнишь аромат домашних заготовок? О малосольных огурчиках я вообще молчу. Это же сказка! Неужели мы окончательно перешли на фабричную закуску? Жаль.

После такого вступления разговор коснулся житейских дел. Вспомнили общих друзей. Андрей по делам бизнеса постоянно мотался по городу, временами пересекаясь с приятелями, и он был в курсе последних новостей. Комбату тоже было что рассказать, хотя Борис частенько отлучался из Москвы.

Незаметно усидели одну бутылку, потом вторую. На огромном Подберезском и могучем Комбате эта доза едва отразилась, Андрей собирался пойти за третьей, но Рублев его остановил:

– Хорош, Андрюха. Тебе завтра работать, у меня тоже имеется одно дело.

– Да ладно, Иваныч! Посмотри, у тебя, когда ты наливаешь, рука даже не вздрагивает.

Ты практически трезв.

– Вот и давай останемся в таком состоянии. Да и время позднее, скоро двенадцать.

Рублев встал, собираясь двинуться к выходу, но Андрей его остановил:

– Погоди, ты забыл одну вещь.

– Я? – удивился Комбат. – А говоришь, будто мы оба трезвые. Лично я точно помню, что ничего с собой не приносил.

– Действительно, не приносил, – сказал Андрей и сделал паузу.

– Видишь, теперь и ты вспомнил!

– Зато кое-что заказывал, – с довольной улыбкой закончил Подберезский.

Он протянул Борису пакет, в котором лежало несколько десятков кассет:

– Вот, ребята записали все, как ты просил. Можешь слушать в свое удовольствие.

Вернувшись домой, Борис не удержался и на тихом звуке прослушал несколько записей. Качество было отменным. Разумеется, похуже, чем на лицензионном «компакте», но Рублева вполне устраивало. На следующий день Борис добавил громкости и убедился, что его первые выводы оказались верными...

Запивая чаем терпкий дым, Комбат слегка покачивал ногой в такт «Poison». Он заметил интересную вещь. Некоторые его сверстники, тоже фанатевшие в молодости от тяжелого рока, теперь без энтузиазма воспринимали эту музыку. Говорили, будто она надоела, теперь хочется спокойных, умиротворяющих мелодий. Но порой называли и более конкретные причины. Кое-кто жаловался на головные боли, вызываемые самыми забойными вещами, у других ухудшалось общее самочувствие, у третьих начиналась бессонница. Отсюда Рублев сделал очевидный вывод: не музыка надоела, а здоровье с возрастом начинало пошаливать. Только Борис с его железным здоровьем без всяких последствий мог сколько угодно погружаться в ощущения молодости.

Раздался тихий щелчок. Кассета закончилась. Рублев хотел поставить новую, но тут услышал звонок в дверь. Борис открыл и увидел перед собой забавную компанию, состоящую из мужчины в форме полковника, бабульки со сморщенным личиком, напоминающим печеное яблоко, и парочки молодых людей: прыщавого юнца и девицы в очках с толстыми линзами.

– Здрасьте, мы – инициативная группа, – выпалил одним духом юнец.

– За Владимира Вольфовича, спасителя нашего, – прошамкала бабуля.

Услышав про спасителя, Комбат непроизвольно стал искать взглядом иконку с изображением г. Жириновского, которого по аналогии тут же мысленно окрестил Владимиром Бесноватым.

Более достойного прозвища на ум не приходило. Не матом же крыть спасителя.

– Мы все звоним-звоним, а вы не открываете, – вставила свои пять копеек девица.

Только полковник хранил молчание. Он хорошо усвоил истину «Болтун – находка для шпиона».

– Интересно, зачем я понадобился Владимиру Вольфовичу? – спросил Рублев.

– Не вы, – сгоряча возразил юнец и тут же поправился: – То есть и вы тоже. Мы ходим по избирателям, агитируем голосовать за ЛДПР.

– Спасибо, у меня нет сапог, – усмехнулся Комбат.

– При чем здесь какие-то сапоги! – возмутилась девица.

Она хотела продолжить, наверное, в том духе, что с приходом к власти ЛДПР все граждане России будут ходить в обуви от кутюр, но Борис неучтиво перебил ее:

– При том, что мне нечего будет омыть в Индийском океане. Кажется, эту гигиеническую процедуру обещал ваш идейный лидер.

– Мы наводили справки. Вы – офицер, – наконец подал голос полковник.

– Офицер в отставке, – уточнил Комбат.

– Неужели и понятие офицерской чести у вас в отставке?

Напрасно он это сказал. Благодушие Рублева как ветром сдуло.

– В отличие от тебя у меня сохранилась и офицерская честь, и голова на плечах, – грубо «тыкнул» он полковнику. – Я не собираюсь идти к политическому клоуну. У него и без меня найдется, кого таскать за волосы и обливать минералкой.

– Вы много себе позволяете, товарищ! – встрепенулась старушка.

– Вы ошиблись партией, бабушка. Товарищи – в КПРФ. А в ЛДПР только верховный господин и его холуи, – охотно пояснил ей Борис.

– Даже обидно, что еще встречаются такие равнодушные, аполитичные личности. На носу городские выборы, а он до сих пор не определился, с кем ему по пути, – надменно заявила девица.

– Можете не волноваться за меня, красавица, – иронично сказал Борис. – Я давно определился, и, в отличие от вас, мой выбор правильный. Всего хорошего.

И он захлопнул дверь перед носом незадачливых агитаторов.

* * *

Бушмен уверенно вел лимузин по скоростной автотрассе. Хотя стрелка спидометра застыла у отметки ста миль, в комфортабельном салоне «остин мартина» этого практически не чувствовалось. Если и встречались на гладкой бетонке отдельные неровности, подвеска отработывала их идеально. Алексу оставалось получать удовольствие от комфортной езды.

Бушмен взглянул на часы и чертыхнулся. Сегодня он выехал слишком рано. На то были веские причины. В прошлый раз шел дождь, растяпа-дальнобойщик поздно заметил приостановившийся пикап и резко ударил по тормозам. Громадную машину опрокинуло на бок, одновременно развернув. Трейлер перегородил всю дорогу. Пока дорожные службы расчищали путь, возникла пробка, в которой Алекс простоял больше часа и опоздал к началу действия.

Теперь, обжегшись на молоке, он дул на воду. Погода стояла отличная, все способствовало быстрой езде, и Бушмен выглядел бы идиотом, если бы плелся в правом крайнем ряду. Это место для «жуков» шестидесятых годов выпуска, а не мощных лимузинов. В результате за час до срока Алекс оказался у каменной стены, за которой виднелась крыша двухэтажного здания. Стена, словно таран, врезалась в лес. Если бы любопытствующий человек прошелся вдоль нее, то он бы заметил, что в лесу стена переходит в проволочную сетку высотой около двух с половиной метров. Сетка огораживала довольно приличный кусок леса. С другой стороны она тоже переходила в каменный забор.

Алекс сбросил скорость у ворот с ажурной решеткой. Останавливаться ему не пришлось, поскольку ворота плавно распахнулись, едва лимузин приблизился к ним. «Остин мартин» заехал на стоянку, где находилось несколько автомобилей недорогих моделей. Теперь Бушмен мог быть абсолютно уверен, что явился раньше своих компаньонов. Он зашел в здание, где буквально нос к носу столкнулся с хозяином заведения. Тот явно спешил по каким-то своим делам, но, увидев Алекса, изобразил на физиономии лучезарную улыбку:

– Господин Бушмен! Очень-очень рад! Прошу в наш бар. Или вы хотите просто отдохнуть с дороги?

– Просто отдохнуть, поэтому не беспокойтесь обо мне, Лари, занимайтесь своими делами. Мне кажется, вы куда-то торопились?

– Да, требуется уладить одно маленькое дельце.

– Удачи. А я подожду здесь остальных.

Прошло около часа, прежде чем компания оказалась в сборе. Кроме Бушмена ее составляли еще четыре состоятельных бизнесмена. Трое были примерно одного возраста с Алексом или старше. Лишь одному недавно исполнилось сорок. Мужчины сменили деловые костюмы на легкую защитную амуницию. В руках они держали маски и оружие для игры в пейнтбол. Затем все пятеро вышли на площадку метрах в ста от дома.

Соперники их уже ждали. Вернее – соперницы, поскольку напротив бизнесменов стояли красивые стройные девушки. На них были надеты только удобные кроссовки и очки со специальными ударопрочными стеклами. Поэтому бизнесмены могли вдоволь насладиться зрелищем их обнаженных изящных тел. При внешней хрупкости девушки были достойными соперницами. Искусству военной игры их обучала дама, несколько лет прослужившая в войсках спецназначения. Внешность этой «солдатки Джейн» была самой заурядной. Немного выше среднего роста, худощавая, разве что плечи чуть широковаты. Но Алекс, увидев ее однажды в шортах и майке с короткими рукавами, подумал, что такую не стоит шлепать по ладной попе, иначе докторам придется долго бороться за твою жизнь. Кроме того, поговаривали, что дама умеет стрелять из любого оружия. Ну, насчет танка или пушки Алекс ничего сказать не мог, но, судя по успехам ее подопечных, индивидуальным стрелковым оружием она владела безукоризненно. И во многом передала свои знания ученицам. Неизвестно – как, пряником или кнутом, но результат был налицо. Девушки даже слишком преуспели в меткой стрельбе и умении без усталости перемещаться по пересеченной местности. Если бы им поставили такую цель, они бы «уничтожили» своего противника с минимальными потерями. Но превосходство в меткости и выносливости, как ни парадоксально, использовалось именно для того, чтобы создать видимость крайне напряженной схватки.

Игра проходила в двух вариантах: либо команда на команду, либо у каждого бизнесмена была своя противница. Второй использовался чаще, поскольку вносил в забаву веселый хаос. Девушки ошибались редко, а вот мужчины, то ли охваченные азартом, то ли потехи ради, палили в чужие «мишени», а иногда и друг в друга. Впрочем, их случайные или преднамеренные ошибки сразу обнаруживались, поскольку в пульках находились красители разного цвета по числу соперничающих пар. Обычно красный, желтый, зеленый, синий и черный.

Сегодня игроки тоже остановились на втором варианте. Как обычно, поменялись партнерами. В прошлый раз Алекс воевал с высокой стройной брюнеткой. Она ему очень понравилась как на поле боя, так и вне его. Сейчас по жребию Бушмену досталась, пожалуй, худшая из красоток – среднего роста блондинка с очаровательным личиком, но излишне спортивного телосложения. Она была самой хитрой и выносливой среди девушек. Эти качества превращали ее в лучшую пейнтболистку команды. Соперничать с ней на равных мог только самый молодой из бизнесменов. Уступая ей в выносливости, он быстрее бегал, а генетически заложенные в мужчине качества воина компенсировали отставание в меткости стрельбы. Остальные игроки слишком много времени проводили в своих офисах, поэтому, если сражение разворачивалось всерьез, быстро выдыхались.

Соперники заняли исходные позиции. Игра шла до пяти «смертельных» выстрелов, поэтому можно было позволить себе некоторый риск. Бушмен сразу же метнулся к окраине леса, откуда контролировал открытый участок игровой площадки, не позволяя сопернице вести партизанскую войну среди деревьев. По крайней мере до первого точного выстрела. Он засек блондинку, укрывшуюся за домиком из мягкого поролона.

Отдышавшись, Алекс стал бесшумно приближаться к укрытию противницы. Вот до него осталось десять метров, три, один. Бушмен заглянул за домик. Блондинки не было. Используя домик как помеху для обзора соперника, хитрющая блондинка отошла к имитации кирпичной стены. Едва Алекс повернулся к ней боком, она перешла в нападение. Бушмен увидел

синее пятно, расплывшееся на домике, и разворачиваясь, почувствовал легкий толчок в грудь. Готово, он лишился одной из жизней.

У противников была минута для занятия новых позиций и возобновления игры. Алекс попытался оттереть блондинку в угол игровой площадки, но не тут-то было. Он только увидел, как мелькнули мускулистые икры шустрой дамочки, намылившейся в лес. Тогда Бушмен на ходу изменил решение. Пока перед ним маячила спина соперницы, он со всей прыти бросился к уложенным друг на друга покрывкам. Между ними были крошечные зазоры, позволявшие худо-бедно просматривать опушку леса.

Клиент всегда прав. Блондинка быстро поняла, что Алекс не собирается охотиться за ней среди деревьев. Она бы могла просидеть за каким-нибудь пнем до истечения времени. В настоящей игре на интерес ей бы присудили победу. Ведь она вела в счете. Но у нее была другая задача – доставить клиенту удовольствие, чтобы он снова приехал в клуб и оставил здесь кругленькую сумму за игру и остальное, что к ней прилагалось.

Блондинка вышла из лесу и двинулась по открытому участку. Алекс ерзал за покрывками, стараясь отыскать самую большую щель. Однажды он переусердствовал, его нога скользнула в траве, и Алекс с размаха приложился головой о покрывку. Внутри ее раздался гулкий звук. К счастью, блондинка его не услышала. Или притворилась тугой на ухо? Она продолжала медленно идти чуть левее затаившегося охотника. Когда расстояние сократилось метров до восьми, Алекс высунулся из засады и нажал на курок.

– Шлеп-шлеп, – два шарика из выпущенной очереди угодили красотке в живот и специальную прокладку, защищающую чувствительный сосок.

Счет сравнялся, противники начали третий раунд. Теперь блондинка решила потренироваться в меткости. Стремительным рывком она отрезала Бушмена от леса, но не стала прятаться в нем, а развернулась, наблюдая за противником. Алекс сгоряча решил повторить ее удачный маневр: спрятаться за домиком, а потом отойти к имитации стены, однако девушка, сохраняя дистанцию, держала его в поле зрения.

Часы тикали, до начала очередной схватки оставались считанные секунды. Бушмен построился у стены, готовый в любую минуту юркнуть за нее. Блондинка все это время оставалась на расстоянии, превышающем дальность легких пулек. Внезапно она резко сократила дистанцию, но повела себя слишком самонадеянно. Она была уверена, что на большом удалении Алекс обязательно промахнется. Бушмен, наоборот, запаниковал и выпустил одним махом половину обоймы. Он «сразил» блондинку наповал, однако победа досталась ему дорогой ценой. У Алекса осталось слишком мало шариков, а по условиям игры их запас нельзя было пополнять.

Дальше игра протекала так же азартно и интересно. Слегка подпортил настроение чей-то меткий выстрел, то ли умышленный, то ли случайный. Красный шарик угодил Бушмену точно в шею, отчего казалось, что он на самом деле получил тяжелую рану и она кровоточит. О блондинке говорить не приходилось. На ее ногах виднелись три желтые отметины. Был у них в команде один маразматик, обожавший обстреливать женские ножки. Нет, он как и все остальные, участвовал в игре, но, если подворачивался случай, моментально переключался на обстрел ног, получая от этого какое-то извращенное удовольствие. Остальные бизнесмены терпели его выходки, поскольку в общем и целом мужчина оставлял самое приятное впечатление, был, что называется, душой их компании. А хозяина клуба мало волновали подобные мелочи. Подумаешь, обстреливает ноги его наемных работниц шариками с легко смываемым красителем. Да за такие деньги эти ноги можно переломать!

Игра близилась к завершению. Сначала Бушмен одержал две победы кряду, но затем блондинка сравняла счет. Оставалась последняя схватка и... последний шарик в боекомплекте Алекса. И этот шарик благополучно улетел мимо цели. Ну что оставалось Бушмену? Затаиться в лесу и, внезапно напав из-за дерева, забрать у блондинки оружие и одержать решающую

победу? Но они не практиковали такого рода крайности. Главное было получить удовольствие, а не выиграть любой ценой. К тому же вряд ли шустрая блондинка легко далась бы в руки человеку, который был старше ее на тридцать лет. Алекс демонстративно бросил оружие на землю. Блондинка с улыбкой подошла к нему. Бушмен крепко обнял ее и поцеловал в губы. Затем отпустил. Ему не было смысла торопить события. Впереди у них была целая ночь.

Глава 7

Вскоре после взрыва Зарубин переехал в собственный коттедж рядом с Измайловским парком. Да, время было веселое: сунул чиновнику упаковку баксов – и получил под застройку землю на легальных основаниях.

Связь Надеждина с другом, казалось, оборвалась. Вот только жить они стали еще лучше, хотя Олег и его отец получали на работе гроши, которые инфляция превращала в видимость денег. Надеждину оставалось только с отвращением к самому себе вспоминать студенческие годы. Ну почему он большую часть времени проводил на репетициях ансамбля? С его способностями он мог хорошо окончить институт, сделать научную карьеру, защитить диссертацию. Вот Генка Кочегаров, имевший более скромные способности, теперь работает в Англии, говорят, купил себе машину, каждый год проводит отпуск на знаменитых средиземноморских курортах. А он, Олег Надеждин, не может выбраться дальше Московской области. И не видно конца и края его унылому безнадежному бытию.

С другой стороны, и это было еще хуже, молодой человек уже привык к такой жизни. В ней, если разобраться, имелись свои плюсы. Главное – обходиться скудной едой и не придавать значения собственному внешнему виду, носить убогую одежду с высоко поднятой головой. Мол, у нищих собственная гордость. Зато на работе чистая лафа. Хочешь – книжки читай, хочешь – в карты режься. И никто тебя не одернет:

– Надеждин, хватит дурака валять, берись за дело!

Причем Олег не мог с уверенностью сказать, сумел ли бы он после нескольких лет безделья засучить рукава и вкалывать в поте лица, даже если бы ему положили зарплату среднего американца или немца.

Как-то он вернулся домой после так называемого трудового дня и, перекусив, включил телевизор. Шел один из первых российских криминальных сериалов. После осточертевших американских стрелялок он смотрелся с большим интересом. Пускай практически все то же самое, зато перенесенное на отечественную почву, с родным ароматом, до боли знакомое по собственной жизни. Не в том смысле, что Надеждин ежедневно подвергался нападению грабителей или рэкетиров и сам бандитствовал помаленьку, а в том, что криминал творился на фоне конкретной российской действительности.

Как всегда, телефонный звонок раздался на самом интересном месте.

– Алло, – сказал Олег, одним глазом кося на экран.

– Здорово, – раздался в трубке голос Зарубина. – Чем занимаешься?

– Ящик смотрю. По нему идет наш, отечественный боевичок.

– Понятно. Как у тебя завтра со временем? Можешь освободиться часиков в пять? Впрочем, даже если не сможешь, все равно освобождайся. Если вздумают тормознуть на работе, пошли всех к чертовой матери. Хуже себе этим не сделаешь, я гарантирую.

– Не смей меня! Скажешь тоже – тормознуть на работе. Да у нас сама работа уже несколько лет стоит на тормозе. Моего отсутствия никто не заметит.

– Отлично. Тогда к пяти выходи. У входа будет стоять белый «шевроле». Машина отвезет тебя ко мне домой. Есть серьезный разговор.

Олег впервые оказался в коттедже Зарубина, но ему не дали толком осмотреться. Юрий отвел его в свой кабинет и скороговоркой поинтересовался:

– Хочешь выпить? Виски, коньяк, смирновскую водочку?

Надеждин с удовольствием выпил бы виски. Просто из любопытства. Он еще ни разу не пробовал этого напитка. Однако по тону хозяина дома понял, что сейчас не время заниматься дегустацией, и отказался.

Зарубин сел за стол, достал из верхнего ящика листок бумаги:

– Ты раньше плотно занимался музыкой. А как сейчас? Знаешь, какие исполнители наиболее популярны у фанатов?

– Более-менее представляю.

– И еще. Ты, кажется, работал над созданием музыкального центра?

– Работал – это громко сказано. Так, копошился помаленьку.

– А в устройстве компакт-дисков разбираешься?

– Конечно. Моей задачей было добиться максимальной эффективности считывающего лазера. Я перерыл горы литературы, но до практики дело не дошло.

– Дойдет, – уверенно заявил Юрий и протянул Надеждину бумажку. – Вот адрес закрытого военного предприятия.

– Не понял! Ты хочешь, чтобы я тайно забрался туда?

– Дурачок, – ласково сказал Зарубин. – Туда забрались без твоей помощи. Ты же смотришь телевизор, всякие криминальные сериалы. Давай шевели мозгами.

Наеждин всегда отличался сообразительностью и хорошей памятью. Он вспомнил сюжет «Дежурной части» примерно месячной давности. В нем рассказывалось, каких трудов стоило оперативникам разгромить цех по производству «паленой» водки, поскольку он располагался на территории секретного объекта.

– Я понял, тебе нужна моя консультация.

– На фига мне твоя консультация! Я хочу, чтобы ты занялся серьезным делом, зарабатывал хорошие бабки. Врубается?

Олег кивнул, одновременно лихорадочно соображая. Было понятно, что люди склада Зарубина второй раз такого предложения не сделают даже хорошему другу, спасшему ему жизнь. Но предлагаемая работа явно носила незаконный характер, а Наеждин никогда в жизни не приближался к криминалу даже на пушечный выстрел. Значит – отказаться. И прозябать в нищете, со страхом ожидая, когда его контору окончательно прикроют?

Угадав мысли друга, Юрий привстал и дружески хлопнул Наеждина по плечу:

– Расслабься, Олешка, я не собираюсь тебя тупо подставлять. Компакты – не оружие или наркота. Менты ведь тоже люди и понимают, что нашим людям не по карману легальные диски. Поэтому такие дела ведутся спустя рукава. В худшем случае прикроют цех и этим ограничатся.

– Да, заманчивое предложение, но ты прекрасно знаешь, что у меня нет денег. На какие шиши я найму рабочих, закуплю оборудование?

– Бабки – не твоя проблема. Поставщик оборудования у меня на примете есть, ты выберешь у него все необходимое. Потом найдешь грамотных исполнителей. При нынешней безработице это как два пальца об асфальт. Только о каждом кандидате сообщишь мне лично. Мы их на всякий случай проверим. И вот еще что. Когда ты раскрутишься, на тебя обязательно наедут какие-нибудь пацаны. Я помогу с ними разобраться, но строго по понятиям. Или сразу иди под мою крышу.

– Естественно. Тут даже глупо сомневаться.

– Только учти, крыша – дело серьезное. Ты ведь не лично мне будешь капусту шинковать, а всей команде. Поэтому шутить с этим опасно для жизни.

– Ясно, – Олег на минуту задумался и спросил: – Слушай, а если вдруг дело не пойдет? Я же тогда не только себя подставляю, но и тебя.

– Как это «не пойдет»? Ты это брось! Если оно идет у всякой шелупони, то у грамотного специалиста тем более, – возмутился Зарубин. – Но для твоего спокойствия могу сообщить: в цех вкладываются мои личные бабки, поэтому за них с нас никто не спросит. Доволен?

Началась серьезная работа. Зарубин свел Олега с поставщиком оборудования, у которого по русской традиции запросы явно выходили за рамки разумного. Кроме того, он с ходу попытался всучить покупателю устаревший хлам, от которого Олег с негодованием отказался. Он считал, что пиратские диски по качеству должны приближаться к лицензионным. Зачем чело-

веку переплачивать за блестящий кругляш, если его звучание хуже, чем на обычных магнитофонных кассетах?

Легальный бизнесмен пошел бы искать другого поставщика или, кряхтя, выложил деньги. Надеждин обратился к приятелю. Тот провел маленькую воспитательную работу, сэкономившую компаньонам кругленькую сумму.

Под руководством Олега оборудование установили в цеху. Параллельно Надеждин начал заниматься подбором персонала. В несколько рекламных газет он дал объявления, выглядевшие совершенно невинно. Впрочем, объявления о найме танцовщиц или официанток для работы за границей тоже выглядят невинно, хотя за ними порой скрываются десятки и сотни искалеченных девичьих судеб. Одного и, пожалуй, лучшего кандидата Зарубин отмел. Его люди не смогли пробить по собственным источникам, чем тот занимался после окончания высшего военного инженерно-технического училища. Но Юрий оказался прав. Безработных хватало, и вакантное место быстро заняли другие кандидаты. Через месяц все было готово к началу производства.

* * *

Когда-то таких людей называли богемой. Теперь используется более модное определение – бомонд. И оно куда больше им подходило, поскольку, если это словечко перевести в женский род и просторечное уточнение «бо» писать отдельно, практически выйдет ругательство, которого большинство собравшихся более чем заслужило.

В уголке накачивался спиртным выходящий из моды живописец. Модным он стал после акции, идею которой спер, как это принято в артистическом бомонде, у классиков литературы. Он разделся догола, посадил себя на цепь у входа в один из модных столичных клубов, а ключ выбросил от греха подальше. Больше того, демонстрируя полное единение с животным миром, работник кисти и холста, громко лая, бросался на посетителей заведения. Конечно, ему многократно досталось по физиономии от секьюрити и некоторых гостей клуба, но своего он добился. Сюжет о необычном перформансе проскочил сразу по двум центральным каналам. У художника, худо-бедно вновь принявшего человеческий облик, взяли интервью, и он в одночасье стал пользоваться большим спросом у московских скоробогатеев. Вот только с талантом у него имелись проблемы. Причем с детства. Написанные им картины больше всего напоминали корявую мазню дошкольника. Поток покупателей начал резко иссякать. Настало время осуществить вторую акцию, однако на что-то новое у мастера не хватило фантазии, а на старое – здоровья. Говорили, что тогда, у клуба, профессионал-охранник отбил ему почки.

Но у ветерана нашлись достойные ученики. В центре зала сидели две симпатичные девушки, черненькая и беленькая. Сначала они мирно пили коктейли, но, выцепив взглядом бродившего по клубу фоторепортера, прильнули друг к другу и слились в равнодушном поцелуе. Репортер холодно посмотрел на них и хотел двинуться дальше в поисках более свежей клубнички, но тут черненькая запустила руку в вырез платья подруги и стала активно массировать упругую грудь. Одновременно она начала водить по ее шее языком, на кончике которого болтался серебряный шарик. Беленькая застонала, скорее от боли в груди, чем от наслаждения, однако фотограф на всякий случай сделал пару снимков – авось пригодится. Хотя материал явно тянул на гроши. В печати просочились сведения о том, что беленькая находится на четвертом месяце беременности, и выразалось сомнение, что от лесбийской любви могут появиться на свет дети.

Тем временем фотограф обнаружил более достойный объект для репортажа. У стойки бара задорно матерились ребята из техно-группы, являвшиеся прямыми последователями художника. Около года тому назад никому не известный коллектив выступил на фестивале музыки в стиле «техно». Музыканты закончили свой номер в костюмах Адама. Их фотогра-

фии быстро разошлись по Интернету. Никто не говорил о достоинствах их музыки, поскольку разговор переключился на обсуждение мужских достоинств «технарей». Теперь на всех концертах экзальтированные поклонницы ждали от музыкантов очередного сеанса стриптиза, и те никогда не обманывали их ожиданий. Хотя нет, бывали осечки, когда администрация города или хозяева концертных площадок строго-настрого запрещали им обнажаться, но ребята старались не участвовать в таких снобистских мероприятиях. Ведь кроме голых тел показать им было нечего.

Сейчас музыканты щеголяли в строгих костюмах и галстуках-бабочках. Это была «фишка», изобретенная продюсером. Голыми ребятам видели постоянно, а в таком джентльменском прикиде – ни разу. И фотограф клюнул на хитрую приманку. Он снял музыкантов в нескольких ракурсах, мысленно уже представляя газетный фоторепортаж. Но в нем не хватало жирной точки. Впрочем, репортер полагал, что за этим дело не станет. Надо лишь дождаться, когда «технари» хлебнут лишнего и развернутся на всю катушку.

А кое-кто уже успел принять свою норму выпивки. Это был крупный молодой парень с отталкивающими чертами лица, придававшими ему сходство с вымершим гигантским ленивцем, участник чрезвычайно популярного у молодежи юмористического шоу «Смех сарай». Рядом с парнем сидела девушка. Ее волосы были покрашены в огненно-красный цвет. Юморист пьяно жаловался ей:

– Я же урод, понимаешь? Я с детства был уродом, меня девушки не любили. Они не хотели со мной даже целоваться, и вообще я до двадцати шести лет оставался девственником. Не... конечно, теперь, когда появились бабки, я уже не девственник... но все равно обычно с проститутками. Они терпят мою внешность, лишь бы башлял. А девушки меня и сейчас не любят, хотя иногда спят из любопытства и чтобы похвастаться... типа она трахнулась с артистом из «Смех сарая». Я ведь так и остался уродом, правильно? – неожиданно повернулся он к дуэту мнимых лесбиянок.

Ошарашенная черненькая машинально кивнула головой.

– Че ты сказала, курва? – взревел юморист, хотя девушка не проронила ни слова. – Ну-ка повтори! Я – урод, да?

– Она ничего не говорила, – примирительно заметила беленькая.

– А тебя, крашенная, не спрашивают! – оборвал ее юморист. – Тоже мне, выискалась, жопа с кудряшками.

Он, наверное, хотел пошутить, но сделал это в духе своей передачи – тупо и пошло. Рев юмориста разнесся по всему залу.

– Повтори, козел, че ты сказал! – подскочил к горе-шутнику молодой человек, одетый в блестящую кожу с многочисленными заклепками.

Это был ритм-гитарист известной рок-группы, играющей тяжелый металл, и возможный отец ребенка мнимой лесбиянки, хотя последнее утверждение скорее всего не соответствовало действительности. У беленькой хватало любовников, мимолетные романы с которыми она умудрялась скрывать от проницательных журналистов. Однако для коллег по цеху ее амурные похождения не были тайной. Просто они молчали. Ведь у каждого из них был свой тщательно запрятанный скелет в шкафу.

– Ты как ее обозвал?! – продолжал наседать рок-музыкант.

Он заметно уступал юмористу по комплекции, но выглядел крепким и боевитым парнем, знающим толк в драке. Поэтому незадачливый шутник, хоть и был пьян, поостерегся лезть на рожон, пробормотав некое подобие извинений. Фотограф, оказавшийся тут как тут, едва скрывал разочарование. Он надеялся заснять эксклюзивные кадры артистического мордобоя, но оказался в пролете. Рокер тем временем подсел к девушкам:

– Как дела?

– Лучше всех.

– Я сам вижу, цветете и пахнете. А нас вконец задолбали, – он достал из бездонного кармана компакт-диск и швырнул на стол. – Вот, полюбуйтесь.

– Да видим уже по полиграфии. Нашел чем удивить. Наши диски пираты тоже штампуют без сна и отдыха.

– Я понимаю, но это переходит все границы. За полгода ушло всего четыре тысячи легальных копий нашего последнего альбома, хотя диски лежат буквально в каждом ларьке. Если бы не концертный час, мы бы давно перешли на воду с хлебом. И когда с этим покончат, а, девчонки?

– Никогда!

Глава 8

Полный мужчина с гладким лицом отрешенно стучал по клавишам компьютерной клавиатуры, одновременно размышляя над одной деликатной проблемой.

Мужчина работал в аналитическом отделе госдепартамента США и занимался вопросами культуры. Он занял место своего предшественника, который в узких кругах стал знаменит благодаря единственной фразе. Когда в далеком 1963 году возникли проблемы с первыми американскими гастрольями «Beatles», он посоветовал:

– А вы скажите, что их концерты будут содействовать укреплению дружбы между нашими народами.

Тогда в связи с растущей коммунистической угрозой тема укрепления дружбы была весьма актуальной, и совет помог устранить все бюрократические рогаки. Возможно, без этой фразы великой ливерпульской четверке не удалось бы так быстро завоевать Америку, а затем и весь мир.

У толстяка имелась проблема хоть и не такого глобального масштаба, но тоже очень серьезная. А все из-за нынешнего хозяина Белого дома. Уж очень простоват он был и несдержан на язык. Две недели назад президент высказался насчет русских, что им пора определиться, готовы они к цивилизованным рыночным отношениям или намерены поощрять пиратов, отнимающих законный заработок у бедных американских музыкантов. Мужчина хорошо знал, что подтолкнуло хозяина Белого дома к такой спонтанной речи. Перед этим у него гостили несколько звезд американской эстрады, между делом упомянувшие о своих проблемах из-за расцвета контрафактной торговли в России и Китае. О Поднебесной президент умолчал, сообразил-таки, что это может ему аукнуться во время предстоящего официального визита в Китай, и России досталось за обоих. Русские отреагировали моментально, сразу начались неприятности у Алекса Бушмена. Президенту с его Олимпийских высот было плевать на средней руки бизнесмена, а вот люди заинтересованные задергались. Причем среди заинтересованных оказались и господа, контактирующие с ЦРУ. То есть у русских на самом деле имелись веские основания надолго заморозить проект Алекса. Только вряд ли они об этом подозревали.

Распахнулась дверь кабинета, и в него зашел высокий худощавый мужчина.

«Вспомни черта – и он тут как тут», – раздраженно подумал толстяк.

Он потянул из кармана сигареты и тут же выругался про себя. Уже два года, как запретили курение в рабочих кабинетах, мотивируя это тем, что некурящим сотрудникам приходится дышать вредным дымом. Лицемеры. Во всех кабинетах с незапамятных времен установлены кондиционеры. Такова производственная необходимость. Летом температура в тени иногда доходит до сорока градусов. И это при почти стопроцентной влажности. Говорят, в былые времена сотрудники изучали важные документы с полотенцами на шее. Ими они постоянно вытирали руки, чтобы не оставлять влажные следы на деловых бумагах. А пишущие машинки ржавели от падающих на них капель пота.

Кондиционеры стояли во всех кабинетах. Перекурил, и через пять минут воздух чист. Нет, курилки – это иезуитские шуточки начальства, воспитывающего у подчиненных самодисциплину. Ведь не станешь каждые полчаса торчать в курилке, мимо которой регулярно проходят люди. Потом скажут, что работник из тебя никакой, больше травить себя никотином, чем занимаешься делом.

– Собрался перекурить? – спросил вошедший – Я могу подождать.

– Ничего, потерплю. Здоровее буду.

– Это правильно. Как у тебя продвигается дело Бушмена?

Толстяк мог послать худощавого к черту. Ведь тот не был его начальником и даже работал совсем в другом отделе. Но этот отдел занимался вопросами безопасности государства,

и кажущееся праздное любопытство его сотрудников было вызвано серьезными причинами. Посылать таких людей себе дороже.

– Есть одна идея. Насколько я понимаю, наши структуры не должны светиться.

Худощавый промолчал. Зачем давать очевидные ответы?

– Можно решить вопрос с помощью взятки, как было раньше, но в последнее время у нас произошло несколько сбоев. Поэтому оставим это как запасной вариант. Думаю, можно представить дело так, будто у Бушмена есть хороший знакомый в антидемпинговой сенатской комиссии.

– Что это нам дает?

– Знакомый поможет решить вопрос по импорту русского текстиля.

– Насколько велики объемы русских поставок?

– Порядка сорока миллионов долларов.

– В год?

– Да.

– Многовато. Нельзя ли поискать более дешевый вариант решения проблемы?

– Я узнавал, вопрос с импортом практически решен. Остались бюрократические формальности. Русские продают свой товар вдвое выше себестоимости, поэтому о демпинге не может быть и речи.

– И они еще не знают, что вопрос решен в их пользу? Ты в этом уверен?

– Абсолютно. Только мне нужна ваша помощь. Экспертиза уже завершена, и завтра-послезавтра состоится голосование членов комиссии. Надо под каким-то благовидным предлогом отложить его на пару недель.

– Хорошо, сделаем. Но меня беспокоит одна вещь. Что, если русские копнут глубже и установят, что Бушмен в глаза не видел ни одного из членов комиссии? Они сразу поймут, что Алекс прорывается на их рынок не сам по себе, а с помощью Госдепартамента. Тогда он окажется в России под колпаком.

– Вы шутите! – изумленно посмотрел на худощавого хозяин кабинета.

– У меня нет привычки упражняться в остроумии на работе.

– Но эти фотографии мне передали вместе с досье на Алекса. Я думал, вы их тоже видели, – толстяк достал папку и выложил на стол около десятка снимков.

– Любопытно, – сказал худощавый, разглядывая Бушмена в пейнтбольной амуниции и стоявшую рядом с ним обнаженную девушку.

– Для нас гораздо интереснее вот этот снимок. Видите крайнего слева мужчину? Это один из членов комиссии. Правда, они с Алексом встречаются только в закрытом клубе, но так глубоко русские копать не будут. Поэтому в случае необходимости мы аккуратно сольем им эту информацию.

– Отлично. Думаю, в целом план будет одобрен. Надо только продумать детали.

– Я пытаюсь этим заниматься, однако руководство срочно потребовало отчет.

По лицу худощавого скользнула едва заметная улыбка:

– Я уверен, что ваше начальство временно забудет об отчете. Поэтому занимайтесь нашим делом и не отвлекайтесь на всякие глупости.

– Глупости, – пробурчал толстяк, когда за худощавым закрылась дверь. – Конечно, интересы военных и спецслужб всегда остаются на первом месте. Холодная война закончилась, так и не превратившись в третью мировую, а наши brave ребята продолжают активно разрабатывать русское направление при громогласных заявлениях, будто главную опасность для Америки представляют фанатики-террористы.

Бушмену в это время даже не икалось. Он ехал домой после бурно проведенных дня и ночи. Впрочем, ночи – это явное преувеличение. Алексу хватило нескольких часов общения с блондинкой, а потом он уснул. Утром девушка выпила бокал шампанского, а Бушмен лишь

тоскливо наблюдал за этим действием. Ему вскоре предстояла обратная дорога длиной в двести миль, а бизнесмен категорически не садился за руль в подпитии.

Они встали, умылись и еще раз занялись любовью. На этот раз Алекс сам проявил инициативу, но очень скоро почувствовал усталость и занял пассивную позицию, а блондинка своими активными действиями довела его до нужной кондиции. Потом она принесла завтрак, и Бушмен с удовольствием перекусил. Теперь он недоумевал, почему старательно избегал этой девушки. Блондинка пришлась ему по душе изобретательностью в постели и усердием. Она оказалась противоположностью чернявой дылды, вбившей в свою пустую голову, что клиенты должны быть счастливы от одной ее красоты, поэтому можно выполнять свои обязанности спустя рукава.

Расставаясь, Алекс дал блондинке на чай сотню баксов, чего никогда не делал раньше. Усердие должно вознаграждаться.

Когда он приехал домой, жена тут же начала хлопотать вокруг него. Еще бы, ведь он вернулся после утомительной деловой встречи, на которой вел сложные переговоры! Обед был готов, и она, досконально изучив привычки мужа, накрыла стол в гостиной напротив телевизора. Алекс устроился поудобнее и нажал кнопку пульта. На экране крупным планом показывали громадного негра, с которого градом лился пот. Негр стоял на линии штрафного броска, стуча об пол баскетбольным мячом.

«Промажет, – мысленно подумал Алекс. – У центровых со штрафными вечные проблемы».

Словно ему назло, гигант уложил оба мяча в корзину и тяжеловесным шагом устремился в зону своей защиты. Режиссер умышленно давал баскетболиста крупным планом, и у телезрителей создавалось впечатление, что дворец-восемнадцатитысячник содрогается от его могучей поступи. Бушмен посмотрел на часы и переключил канал.

Большую часть новостей шоу-бизнеса он просмотрел без всякого интереса. И вдруг под занавес программы замелькали кадры полицейской операции. Служители правопорядка изымали контрафактные диски, и не где-нибудь на диком Востоке, а в самом сердце западной цивилизации, рядом с Лувром и Елисейскими полями.

– Эге, да это очень похоже на мой товар, – разволновался Алекс, стоило камере выхватить крупным планом несколько изъятых компактв.

Конечно, было слишком мало времени, чтобы рассмотреть детали, но альбом именно этого исполнителя ушел месяц назад в Европу...

Все началось во время очередного спада бизнеса Бушмена. Алекс был зол на весь мир, и поэтому осенившая его идея не вызвала угрызений совести или страха. Он бизнесмен, черт подери, и обязан любыми средствами вытащить из дерьма свое дело. А идея заключалась в следующем. В Европу и Америку начали просачиваться пиратские диски. Но чтобы организовать их выпуск, требовалось наладить производство, закупить оборудование, арендовать площади, нанять людей. У Алекса все это было. Он мог прекрасно обойтись без серьезных денежных вложений. То есть себестоимость его товара будет значительно меньше, чем у пиратов-кустарей, с нуля начинающих рискованное дело. Он знал, во что ему обходится один диск, и был в курсе размеров торговых накруток и транспортных расходов. Он учел надбавку за риск, но и в этом случае выходило, что его товар будет стоить на два-три доллара дешевле. Алекс довольно потер руки. Даже при скромных масштабах новое дело обещало кругленькую сумму.

Но как к этому подступиться? Лишь через два месяца поисков Бушмен добыл координаты нужного человека. Но он не спешил налаживать контакты. У Бушмена уже созрел план. Первым делом он уволил старого управляющего, отменного специалиста, но совершенно не подходящего для задуманного дела. На его место Алекс взял человека, имеющего темное прошлое, но светлую голову. Тот с полуслова понял замысел хозяина и внес парочку усовершенствований, позволяющих Бушмену оставаться в тени. Новый управляющий сам нашел людей,

приходивших на завод в ночную смену. По его словам, рабочие были уверены, что черные дела творятся без ведома хозяина. Каждый вечер управляющий слегка изменял заложенную в оборудование программу. Звук становился чуть глуше, и даже на специальных приборах только специалист экстра-класса мог установить, что контрафактный товар вышел из ворот предприятия Бушмена. Да и кому из добропорядочных американцев могло прийти в голову, что пиратские диски штампует не какой-нибудь коварный мафиози, чьи предки аж до седьмого колена занимались криминальным промыслом, а уважаемый бизнесмен с чистой, как слеза ребенка, родословной.

Новый бизнес рос, словно поганки после дождя. Бушмен со своей идеей попал в точку. Его товар стоил дешевле, чем у загадочных конкурентов, и вскоре никто не помышлял выпускать контрафактные диски с теми же исполнителями, что у Алекса. На каждом диске Бушмен имел около доллара и большое моральное удовлетворение. Ему всегда казалось несправедливым, что львиная доля прибыли оседает в карманах музыкантов и продюсеров. Теперь они были квиты. Лишь одна мысль слегка отравляла ему существование. Алекс подозревал, что кроме оговоренной суммы управляющий имеет неплохие комиссионные от оптовика, скупающего контрафактную продукцию.

Впрочем, это не мешало ему наслаждаться жизнью. Легальный бизнес снова пошел в гору, и Алекс мог без опасений выставлять напоказ свое богатство. Тем более что с помощью того же управляющего вкладывал излишек средств в банки, неподконтрольные американскому правительству. В какой-то момент у Бушмена произошло головокружение от успехов. Алекс начал бездарно сорить деньгами. Наведывался в казино, где спускал от сотни до пяти тысяч баксов за вечер, купил стотысячный хронометр, заказал свой портрет самому дорогому на Западном побережье художнику. А об одном эпизоде разгульной жизни он до сих пор вспоминал с удивлением: как такое могло с ним случиться? Соврав жене насчет дел в Нью-Йорке, Бушмен полетел на Багамы, забронировав номер в отеле, известном среди любителей погулять с размахом. Неделию он поил девочек шампанским и потчевал икрой.

Вскоре наступило отрезвление. Алекс подсчитал, сколько денег он потратил на кутежи и сколько за это время заработал. Получился минус, хоть скромный, но все же. А затем произошло событие, круто изменившее жизнь Бушмена. Он загорал на солнышке в шезлонге и через решетку ворот увидел двух полицейских. Они остановились у забора в нескольких шагах от Алекса.

- Мы на месте, – проговорил один коп, скорее всего в рацию.
- Возьмем его тепленьким, – через минуту сказал второй.
- А он и не догадывается, – усмехнулся его напарник.
- Думает, что хитрее всех. Видали мы таких хитрецов.
- Ага. Кое-кто из них еще на воле, но большинство за решеткой.

Алекс похолодел. Он решил, что полицейские явились по его душу. Он затравленно оглянулся по сторонам, решив спастись бегством, но понял, что это будет очень глупо с его стороны. Все равно поймают.

Тут послышались удаляющиеся шаги. Копы вели охоту совсем на другого человека. Но с тех пор в душе Бушмена поселился страх. Он до колик в желудке боялся разоблачения, суда и тюремной камеры. Тревожные мысли нарушили ход размеренной жизни бизнесмена. Он то пускался во все тяжкие, соря деньгами, то отказывал себе во всем, за исключением самых необходимых вещей. И постоянно выглядывал из окна на улицу – не стоит ли там полицейская машина.

* * *

Оказалось, что зарабатывать хорошие деньги очень просто. Для этого требовалось всего три составляющие: заниматься ходовым товаром, быть в теме и иметь надежное прикрытие. Все это у Надеждина было.

Надо сказать, что поначалу Олег робел, заходя на территорию режимного объекта. Все-таки его становление как личности проходило в годы советской власти. Ему казалось, что вот-вот подойдут люди в штатском и ласково предложат:

– Гражданин, пройдемте. Нам очень хочется знать, с чьей помощью вы проникли на режимное предприятие. Не замешаны ли здесь интересы иностранных разведок?

Но проходили дни, недели, месяцы, а к Надеждину так никто и не подошел. Олег уже знал всех охранников, бдительно несущих вахту в будке у железных ворот, и время от времени одаривал их бутылкой коньяка или коробкой конфет.

На смену тревожным опасениям пришло ощущение собственной значимости. Мол, вот какой я стал важной персоной. Сюда не всякого генерала пропустят, а я дверь на объект ногой открываю. У меня здесь свой личный кабинет, словно у большого начальника. Впрочем, честно говоря, кабинетик был так себе, клетушка площадью десять квадратных метров со столом, шкафом, дорогим музыкальным центром, тремя стульями и потертым диваном. Диван и шкаф стояли здесь и раньше. Олег сначала хотел их сменить, но затем передумал. К нему иногда заглядывает местное начальство. Зачем раздражать людей выставленной напоказ роскошью? Пусть видят в нем обычного делового человека без претензий на исключительность.

Тем более Олег редко засиживался в кабинете. День он начинал с инспекции цеха. Смотрел, все ли рабочие на месте, нет ли признаков слишком весело проведенного вчерашнего вечера. После этого брал штук семь дисков и отправлялся в кабинет. Там он их быстро прослушивал и, если находил серьезные изъяны, шел разбираться. К счастью, проколы случались очень редко, поскольку Олег был профессионалом. Он знал, какие требуются записи, использовал наиболее подходящее для выпуска контрафакта оборудование. Кроме того, он поддерживал дружеские отношения с коллегами по бывшей работе и благодаря им знал о большинстве новинок в мире звукозаписи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.